

Здесь покойся Дэниел Тейт

Автор:

[Кристин Террилл](#)

Здесь покойся Дэниел Тейт

Кристин Террилл

Лучшие молодежные триллеры

Дэниел Тейт пропал без вести, когда ему было десять. Многолетние поиски, убитая горем семья, незакрытое дело ФБР... И вот спустя шесть лет похожего юношу находят на заснеженной улице в Ванкувере. Поначалу он молчит, но в конце концов называет властям свое имя и рассказывает невероятную историю своего похищения и чудесного спасения из плена. И вот уже счастливые брат с сестрой приезжают забрать его домой.

Идеально. Чудесно. За исключением одного:

Этот юноша НЕ Дэниел Тейт.

Но он отчаянно хочет им быть, ведь прежняя его жизнь – череда разочарований и потерь. А у Дэниела есть все, о чем он когда-либо мечтал: богатство, привилегии, шанс начать все сначала и, самое главное, семья, которая любит его.

Только возможно, Дэниел вообще не пропадал. Может быть, кто-то знает, что на самом деле случилось с мальчиком, которым притворяется самозванец... и если он не докопается до истины, то вполне может стать следующим исчезнувшим Дэниелом Тейтом.

Кристин Террилл

Здесь покоится Дэниел Тейт

Cristin Terrill

HERE LIES DANIEL TATE

Copyright © 2017 by Cristin Terrill

© О. Полей, перевод на русский язык, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Это первое, о чем все спрашивают: «Как тебя зовут?»

Не скажу, потому что врать не хочу. Хочу хоть раз в жизни сказать правду, а не выдумывать фальшивые имена, как раньше, когда меня спрашивали. Тогда у меня выбора не было. Я был обманщиком с рождения, а свое настоящее имя к тому времени, как началась эта история, сам уже почти забыл. Того парня я похоронил в маленьком городишке в Саскачеване, там, где снег делается серым, как только ляжет на землю. Это не метафора – я сейчас не том, что отказался от его имени и от его прошлого, хотя это тоже правда. Я хочу сказать – я его убил.

Как-то ночью я тайком вернулся в этот городок, стараясь держаться подальше от фонарей, разливающих вокруг лужицы света, и обходя стороной те дома, где, я знал, могут поднять лай собаки. Давнишний, уже затоптанный снег похрустывал под ногами. На ходу я гладил пальцами гляцевую бейсбольную карточку в кармане пальто – уже помятую, с обтрепавшимися уголками, потому что я слишком часто вертел ее в руках. Карточка была не настоящая, просто моя фотография в бейсбольной форме, а внизу мое имя печатными буквами. На этой фотографии мне было шесть лет, и в улыбающемся рту уже была щербинка на месте зуба, выбитого кулаком. Но я все равно улыбался.

Я подошел к дому матери, встал в тени, под деревьями и стал смотреть на нее через окно. Она сидела в том же кресле, что и всегда, и переключала каналы в телевизоре. Я не видел ее целый год и, наверное, ждал, что почувствую... что-нибудь. Но ничего не почувствовал. В груди, там, где этому чувству полагалось быть, осталась привычная пустая дыра, и больше ничего.

Я набрал номер по памяти. Снег падал, налипал на ресницы, и я смаргивал снежинки, чтобы лучше видеть ее. После третьего звонка она встала с кресла и подошла к старомодному аппарату на стене.

– Алло? – проговорила она неразборчиво: во рту торчала сигарета.

– Миссис Смит? – сказал я. Ну, не совсем так, конечно – фамилия у меня другая. – Это офицер Грин из Королевской конной полиции.

– Да? – отозвалась она. Звонок из полиции несколько ее не встревожил.

– Это касается вашего сына. К сожалению, произошел несчастный случай. – Я сказал ей, что погиб под колесами водителя-лихача, когда переходил улицу в гололед. Я хорошо видел ее лицо. Она долго стояла молча, не шевелясь. Потом сказала:

– У меня нет сына.

Она повесила трубку, снова уселась в кресло, и на этом все было кончено. Я ушел, оставив мальчишку, которым был когда-то, там, с ней, похоронив его под серым грязным снегом.

* * *

Но это еще даже не начало истории. По-настоящему она началась только через несколько лет, когда опять шел снег, и все вокруг было залито красным и синим светом от полицейских мигалок.

Я стоял и ежился от холода у одного из немногих уличных телефонов, сохранившихся в восточной части Ванкувера. Не ночевать же на улице в такую холодрыгу. Я набрал 911 и стал считать звонки. После седьмого отозвались:

– Девять-один-один. Что у вас случилось?

– Алло? – Я говорил низким, гортанным голосом, стараясь, чтобы он звучал поглубже. – Мы с женой тут наткнулись на одного парнишку, и... ну, короче, что-то с ним неладно. Вроде как не в себе он.

Я слышал, как женщина-диспетчер подавила зевок. Не то от скуки, не то просто не привыкла еще к ночным дежурствам.

– Сколько ему лет?

– Да лет пятнадцать-шестнадцать, что ли, – ответил я. Я уже знал, какое это имеет значение в таком деле, и, к счастью, мне не составляло труда их провести: лицо у меня еще вполне детское. – Я подумал – может, заблудился. Пусть его кто-нибудь заберет. Мороз же на улице.

Она спросила адрес и сообщила, что машина выехала. Я уселся на тротуар в узкой нише, где был когда-то вход в закрытую теперь аптеку. Цемент был ледяной, холод проникал сквозь джинсовую ткань, но ничего, сидеть-то недолго. Я надвинул бейсболку на глаза, натянул сверху капюшон толстовки и стал ждать.

Полицейская машина подкатила без сирены, но мигалка была включена, и красные и синие лучи так и разлетались по кружевной занавеске падающего снега. Я поплотнее закутался в свою толстовку и низко нагнул голову, пряча лицо под козырьком.

– Привет, – сказал один из полицейских, помоложе, выходя из машины. Голос у него был добрый, но он старался держаться на расстоянии. Только что из академии, нервничает еще. – С тобой все в порядке?

Другой полицейский, тот, что постарше, так не осторожничал – подошел, сел рядом. На левой руке у него было кольцо – может, свои дети дома такие, как я.

– Эй, приятель, как тебя зовут?

Я молчал. Даже глаз не поднял.

– Ну-ну, неужели даже не знаешь, кто ты такой, – не отставал старший полицейский. Голос у него был веселый, насмешливый. – Уж это-то все знают.

Не все.

– Ну ладно, – проговорил он, не дождавшись ответа. – Давай-ка, поехали-ка с нами, идет? Ты же вот-вот окоченеешь.

Он протянул руку, хотел взять меня за плечо, и я резко отшатнулся. Симулировать такую реакцию совсем нетрудно. Полицейский поднял руки, а его напарник схватился за кобуру на боку.

– Эй, эй, все в порядке, – сказал старший. Оглянулся на напарника – тот все еще стоял, готовый схватиться за револьвер, если я вдруг начну буйствовать. – Да бог с тобой, Пирсон. Не дергайся ты. Мы тебе ничего не сделаем, сынок, слово даю.

Не сразу, но я дал им уговорить себя – поднялся с тротуара и сел в патрульную машину. По дороге в участок они пытались втянуть меня в разговор, но я сидел, опустив голову и не раскрывая рта. Раньше-то мог бы и поговорить, рассказать какую-нибудь душещипательную историю, но теперь уже знал, что молчание действует сильнее.

Они засунули меня в накопитель, дали сэндвич из автомата и чашку горячего шоколада и стали решать, что со мной делать. Я бы предпочел не связываться с представителями власти – рискованно все-таки, – но в «Ковенант Хаус» народу битком, а на улице холодно. Эти ребята – мой самый верный шанс провести ночь в постели. Примерно через час они вернулись, а с ними – невысокая белая женщина в джинсах, с растрепанным хвостом. Я забился в угол комнаты и сидел там, на тонком ковре, подтянув колени к груди. Она присела напротив, чтобы ее глаза были на одном уровне с моими, но на безопасном расстоянии – значит, явно не впервой. Она сказала, что ее зовут Алисия – тем негромким, успокаивающим голосом, которым, кажется, с рождения владеют все, кто работает с трудными детьми и дикими животными. Сказала, что работает в муниципальном приюте и хочет забрать меня туда, чтобы мне было где поспать.

– А завтра утром разберемся, как быть дальше.

Копы предали меня ей с рук на руки, как потерянный чемодан. Алисия села в патрульную машину позади меня, и помощник шерифа повез нас в приемник временного содержания № 8. Там за меня взялся коллега Алисии, Мартин – здоровенный черный парень с такой широкой белозубой улыбкой, какой я еще в жизни не видел. Он отвел меня в ванную и ждал за дверью, пока Алисия ходила за сменной одеждой. Я смыл грязь с лица, нахмурился при виде светлой щетины, уже снова пробившейся на подбородке, и пошарил в шкафчиках. Нашел полтюбика зубной пасты, выдавил немного на палец и размазал по зубам. Мартин постучал в дверь, протянул мне футболку и спортивные штаны. От них пахло нафталином и стиральным порошком. Я переоделся, и он показал мне свободную кровать в комнате, где спали еще двое мальчишек.

– Тебе нужно что-нибудь? – спросил он. Я заметил, как он сводит плечи, чтобы занимать меньше места в пространстве. Он был из тех, кого в детстве все считают хулиганами из-за роста, а на самом деле он и мухи не обидит. Неудивительно, что такую работу выбрал.

Я покачал головой и улегся в кровать. Простыни были застираны до прозрачности, зато мягкие и приятно охладили кожу. Такая постель куда лучше, чем тротуар у обочины или какой-нибудь зачуханный приют для взрослых. Если держать язык за зубами, может, удастся протянуть тут пару недель.

* * *

Глаза у меня распахнулись сами собой. Во сне я сидел в каком-то тесном, темном помещении, а тут кто-то навис надо мной и положил руку на плечо. У меня еще и взгляд толком не сфокусировался, и я не успел даже разглядеть, кто это – отбил чужую руку резким ударом, шарахнулся назад и вжался в стену.

– Ого! Ну извини. – У моей кровати стоял щуплый чернокожий парнишка и потирал ушибленную руку. Согнутым пальцем поправил очки на носу. – Я только хотел сказать – завтракать пора.

Мне стало немного совестно – у самого рука побаливала, значит, здорово я его стукнул, – но извиниться было нельзя. И вообще – нечего трогать меня, когда я сплю.

– Эй, ты, тебя как звать-то? – спросил второй сосед. У него была бритая голова и неумелая татуировка на шее – похоже, набита булавкой и чернилами в колонии для малолетних. Он оценивающе оглядел меня с ног до головы, пытаюсь определить, что я за птица. Я холодно выдержал его взгляд.

– Ты что, глухой? – спросил он.

– Привет, ребята! – В дверях возникла Алисия с моей одеждой в руках – чистой, аккуратно сложенной. – Марш в столовую, ну-ка! Мартин блинчики испек.

Оба окинули меня подозрительными взглядами и вышли из комнаты. Алисия закрыла за ними дверь, села на кровать рядом с моей и сплела пальцы в замок.

– Привет, – сказала она. – Как самочувствие с утра?

Я пожал плечами.

– Готов поговорить?

Я покачал головой.

– Ну ничего, не хочешь – не надо, – сказала Алисия. – Но, может, скажешь хоть, как тебя зовут? Ребят тут много, кричать «эй, ты» – не очень-то удобно.

Я сглотнул и уставился на простыню, которую теребил в пальцах.

– Ну ладно, как хочешь, – добавила она, – но надо же к тебе как-то обращаться. Тебя подобрали в полицейском участке Коллингвуда – что, если мы будем звать тебя пока Колином? Неплохое имя, в общем-то.

Я снова пожал плечами.

– Что ж, будем считать, что это знак согласия. – Женщина улыбнулась и хотела было положить мне руку на плечо, но благоразумно воздержалась. Протянула мне вещи: – Одевайся, и пойдем завтракать. Заодно и с другими ребятами познакомишься.

Алисия подождала за дверью, пока я переодевался в свои старые джинсы, футболку и толстовку, а затем отвела меня в столовую в другом конце здания. В комнате, битком набитой мальчишками, стоял гвалт и духота – слишком много тел было набито в такое маленькое пространство, и я видел, что Алисия поглядывает на меня – ждет, не сорвусь ли я в истерику. Не помешало бы, пожалуй, изобразить такую реакцию, чтобы правдоподобнее симулировать травму – убежать, спрятаться в спальне и не выходить, – но есть хотелось до чертиков.

Алиса уселась за стол, и я присел на свободный стул рядом с ней. Она протянула мне блюдо с блинчиками, я стянул вилкой к себе на тарелку три штуки, чувствуя, как все глаза вокруг устремляются в мою сторону.

– Ребята, это Колин, – сказала Алисия. – Он пока поживет у нас. Он не очень-то разговорчивый, так что вы к нему не приставайте, договорились?

Мальчишки, а их было человек десять или больше, отреагировали по-разному. Кто-то сказал «привет», кто-то хмыкнул, кто-то вообще ничего не ответил. Потом все снова занялись своими блинчиками, и дело было сделано – я уже стал среди них своим.

* * *

Когда на третий день в приемнике № 8 я так и не заговорил – ни сотрудникам, ни полиции, не сказал, кто я и откуда, а потому меня нельзя было вернуть домой, – меня отвезли к государственному психологу. Я разыграл перед ней весь свой репертуар. Ночью перед приемом обгрыз ногти до крови: я знал, что она обратит на это внимание. Пока она со мной разговаривала, я сидел, сжавшись в комок в кресле, а когда пыталась надавить, начинал тихонько раскачиваться взад-вперед. Она сказала, что мне нужно время, что я откроюсь, когда буду готов. Именно на это я и рассчитывал.

По моим прикидкам, она помогла мне выиграть, по меньшей мере, неделю.

– Джейсон! Такер! – крикнул Мартин из коридора. Этот крик обычно будил нас по утрам. У моих соседей было только одно общее: оба терпеть не могли вылезать из постели. – Вставайте, говорю!

Джейсон заснул, а Такер перевернулся на другой бок и засунул голову под подушку.

– А Колин? – сказал Джейсон. Приподнялся и начал шарить рукой по тумбочке, ищи очки. – Ему, что ли, не надо вставать?

– Нет!

– Так нечестно!

– Знаю. Жизнь вообще дерьмо. – Мартин появился в дверях с водяным пистолетом в руке. – Ну-ка, просыпайтесь!

Он выпустил в обоих по струе воды. Такер послал его очень далеко, а Джейсон зафыркал и стал протестовать: он ведь и так уже на ногах!

– Вы у меня доиграетесь – еще и шланг принесу, – сказал Мартин. – Чтоб через пять минут были в столовой. Колин, а ты спускайся, когда будешь готов.

– С хера ли ему такие привилегии? – возмутился Такер, но Мартина уже не было. Я улыбнулся, перевернулся на другой бок и снова заснул.

В приемнике № 8 мне нравилось. Сытная еда три раза в день, отдельная кровать и гвалт еще четырнадцати мальчишек, заглушающий голоса в голове. Помимо Джейсона – славного малого, который прихватывал для меня «Орео» всякий раз, когда ему удавалось потихоньку забраться в кладовую, – и Такера, порядочного засранца, – другие ребята в основном не обращали на меня никакого внимания. Если долго не разговаривать, люди в конце концов перестают воспринимать тебя как диковину и начинают смотреть как на мебель, что меня вполне устраивало. Мне нравилось растворяться в общем хаосе настолько, что меня как будто и не было вовсе. Иногда Алисия или кто-то из дневных сотрудников вспоминал о моем существовании – улучив свободную минутку, они отводили меня в сторону, говорили что-нибудь ласковое, успокаивающе клали руку на плечо, а мне больше ничего и не надо было.

Но я понимал, что долго так продолжаться не может.

Первыми вышли из терпения копы. Им хотелось уже закрыть дело о подростке, найденном в снегу, и перейти к другим делам. Они прислали пару следователей для беседы. Диана, дневной администратор, как раз пришла сменить Алисию и взялась гонять мальчишек от двери, пока Алисия сидела рядом со мной в холле. Следователи уселись напротив, достали блокноты и ручки, а я сидел, опустив голову и неотрывно глядя в пол. Один из них, тот, что повыше, с остриженной под машинку головой – видно, за несколько лет на гражданке от армии так до конца и не отвык, – с первой минуты глядел на меня очень пристально, и мне это не понравилось.

– Нам нужно знать твое имя, сынок, – после более или менее вежливого вступления сказал наконец тот, что поменьше ростом.

Я стал раскачиваться в кресле взад-вперед и грызть ноготь на большом пальце. Вряд ли этот спектакль теперь сработает, но попытка не пытка.

– Ты что, сбежал из дома? – спросил невысокий следователь. – Тебя там обижали?

Я ничего не ответил, а Алисия успокаивающе положила мне руку на колено.

– Мы можем тебя защитить, – продолжал он, – но нам нужно знать, кто ты.

– Алисия, – впервые заговорил высокий следователь. – Если мальчик действительно настолько травмирован, что не в состоянии ответить на простой вопрос, думаю, ему здесь не место. Его нужно перевести в шестнадцатое отделение.

Шестнадцатое отделение. Любой подросток, успевший пожить в приютах или на улице, знает, что это такое: психиатрическая клиника.

– Ну что ты, Фрэнк, – сказала Алисия. – Доктор Нацади говорит – нужно просто подождать немножко.

Следователь повернулся ко мне.

– Сынок, мы должны знать, кто ты. Я хочу услышать, как тебя зовут и откуда ты, иначе мы возьмем у тебя отпечатки пальцев, сфотографируем и сами все выясним.

– В этом нет необходимости, Фрэнк, – сказала Алисия.

– Нет необходимости? – переспросил он. – А как же сотня других ребят, которым пригодилась бы эта койка?

Алисия покосилась на меня краем глаза, а следователь смотрел прямо, и глаза у него блестели сурово.

Все было кончено.

* * *

Ночью я дождался, пока приемник временного содержания № 8 затихнет и погрузится в темноту, и выбрался из постели. Хорошо мне тут жилось, но пора кончать. Не хватало еще, чтобы меня заперли в психушку или занесли в базу мои отпечатки. Койка того не стоит.

Я надел на себя что потеплее, в том числе вполне приличную зимнюю куртку, раздобытую для меня Мартином, а остальные свои немногочисленные пожитки сложил в рюкзак. На секунду задержался взглядом на Джейсоне. Наверное, я буду по нему скучать, насколько я вообще способен скучать по кому-то. А на Такера и смотреть не стал.

В одних носках я прокрался по спящему зданию, держа ботинки в руке. В это время дежурят Мартин и Алисия, а они вполне предсказуемы. Мартин засядет перед телевизором в комнате отдыха и будет смотреть какую-нибудь спортивную передачу, приглушив звук, а Алисия – за компьютером в кабинете. Делать им особенно нечего, следить надо только за тем, чтобы за ночь никто не погиб и не сжег дом.

Я прошел через столовую, по пути погладил пальцами стол там, где сидел обычно. Выглянул за дверь, чтобы посмотреть, что делается в кабинете администрации. Как я и думал, Алисия была там: изучала последние сплетни о

знаменитостях в интернете. Путь к выходу лежал мимо кабинета, а в нем были окна вдоль всей стены.

Я думал, не попытаться ли просто проскочить мимо. Если пригнуться пониже, в окно она меня не увидит. Но мимо двери-то незамеченным не проскользнешь, если только Алисия уже не зачиталась подробностями из жизни Ким Кардашьян до легкой комы. Можно выйти через пожарный вход, но тогда сработает сигнализация, а я-то рассчитывал уйти так, чтобы до утра никто не заметил, что меня нет. Разбудить Джейсона с Такером или натолкнуть Алисию с Мартином на мысль проверить койки – слишком большой риск.

Наконец я выбрал самый простой путь. Выжидать. От нетерпения под кожей с каждой минутой все сильнее бегали мурашки, но ничего – у меня вся ночь в запасе. Главное – исчезнуть без следа.

Я присел за дверью темной столовой. Ни Мартину, ни Алисии здесь делать нечего, а сквозь щелку приоткрытой двери было видно Алисию в кабинете. Рано или поздно она выйдет в туалет или в кухню за новой бутылкой диетической кока-колы. Все, что мне нужно – это терпение.

Не знаю, долго ли пришлось ждать. Наверное, с час. Наконец Алисия поднялась с кресла. Я дождался, пока она пройдет по коридору к служебному туалету, затем поднялся на ноги и взял ботинки. Времени у меня было, пожалуй, не больше минуты. Я высунул голову в коридор, посмотрел направо, налево. Алисии не было видно, и свет в противоположном конце, из комнаты отдыха, говорил о том, что Мартин почти наверняка сидит у телевизора. Я шагнул в коридор. Левая нога затекла от неудобного положения, и, пока я крался к выходу, в нее с каждым шагом впивались иголки и булавки. У двери была панель сигнализации, и я начал вводить код: я успел подсмотреть, как Алисия его набирала, в первый же вечер, как меня привезли сюда. Послышался отдаленный шум воды из туалетного бачка. Палец у меня дрогнул, и я нажал не ту цифру. Лампочка на панели вспыхнула красным.

– Блин... – шепотом выругался я и быстро ввел код заново, на этот раз верно. Лампочка загорелась зеленым, я услышал, как где-то открывается дверь. Я рванул входную дверь на себя, выскользнул наружу и прикрыл ее за собой почти до конца. Стоя за дверью и прислушиваясь, я старался успокоить дыхание. Успела ли Алисия увидеть, как закрывается за мной дверь? Заметила ли узенькую щелку, которую я оставил, чтобы она не услышала лязг щеколды? Я

подождал, но ничего не происходило. В приемнике № 8 было тихо.

Я осторожно натянул ботинки, а затем, миллиметр по миллиметру, закрыл дверь до конца. Она щелкнула почти неслышно. Вот и все. Я на воле.

Я застегнул новую куртку и зашагал к автовокзалу. Денег у меня с собой было немного – только то, что я добыл разными случайными нелегальными подработками в первые дни в Ванкувере, но на какой-нибудь автобус хватит. Под ногами похрустывала соль, рассыпанная по тротуару. Вскоре я добрался до центра города, где было уже достаточнолюдно, чтобы затеряться в толпе, и можно было снять капюшон. Я пытался вспомнить, сколько я уже мотаюсь вот так из города в город и втираюсь обманом в детские приюты, притворяясь младше своих лет. Я ушел из дома навсегда, когда мне было шестнадцать. Вскоре после этого один мелкий грабеж обернулся крупной неудачей, и я стал уже не просто беглецом из дома, а беглецом от закона. Эта угроза давно миновала, но стоит только начать бегать, и потом уже попробуй остановись. Я никогда больше не задерживался подолгу в одном месте. И теперь я уже не могу сказать, сколько это длится. Я прожил столько жизней, что и не упомнишь.

Я добрался до автобусной станции, даже среди ночи залитой тошнотворно-желтым светом флуоресцентных ламп, и подошел к билетному окошечку.

– На какой... – Я откашлялся, чтобы прогнать хрипоту. Несколько дней ведь молчал. – На какой автобус билеты самые дешевые?

Кассирша приподняла тщательно прорисованную бровь.

– Вам что, все равно, куда ехать?

– Все равно.

Она предложила мне пару вариантов на выбор, и я выбрал автобус в Калгари за 82 доллара – он уходил меньше чем через час. Кассирша протянула мне сдачу, и теперь у меня оставалось еще на кофе с маффином здесь и на сэндвич в дороге.

Я уже стоял в очереди в пристанционный «Макдональдс», и тут увидел его. Мартина. Его трудно было не заметить: он был на голову выше почти всех

остальных.

У меня осталось не так уж много чувств, но вот от страха я не избавился. Страх любое животное чувствует. Впрочем, по сравнению с привычной пустотой это было даже приятно. Я опустил голову, выскользнул из очереди и медленно двинулся в обратном направлении. Среди ночи народу здесь было немного, в толпе не затеряешься, поэтому нужно было действовать осторожно и не привлекать внимания. Я направился к мужскому туалету – я заранее заметил, где он. Мартин и там будет искать, но можно закрыться в кабинке – тогда, может, и не найдет.

Как он узнал, что я сбежал? Может быть, Джейсон или Такер проснулись и доложили, что меня нет.

Когда я подходил к туалету, туда же направился какой-то коп с рацией. Он зашел внутрь, а я повернул в другую сторону, на ходу натягивая на голову капюшон. Зашагал к боковому выходу. Подожду за углом, а потом, за пару минут до отхода автобуса, незаметно проскользну обратно.

– Колин! – послышался окрик.

Я побежал.

– Эй, Колин!

Шаги за спиной быстро приближались. Я метнулся к выходу, но тут как раз в эту самую дверь вошла женщина с громадным чемоданом на колесиках. Она задержала меня на каких-то пару секунд, но этого хватило. Мартин догнал меня, и коп следом. Я тут же упал на пол, прикрыл голову руками и уткнулся лицом в колени. В любой сомнительной ситуации изображай травмированного ребенка.

– Эй, дружище, все в порядке, – проговорил Мартин, склоняясь надо мной и осторожно кладя руку мне на спину. – Я понимаю, ты напуган, но все будет хорошо. Давай-ка, поехали домой.

* * *

Я вернулся с Мартином в приемник № 8 и не успел войти, как Алисия стиснула меня в объятиях. Меня снова отвели в мою комнату. Джейсон с Такером не спали – интересно, кто же из них меня заложил? Я бы поставил на Джейсона – впрочем, ставить мне теперь особо нечего. Такер – гаденыш, но ему-то как раз наплевать, если я и сдохну где-нибудь в канаве. Когда я вошел, он закатил глаза и отвернулся к стенке, а Джейсон протянул мне маленький «Сникерс» из своих запасов, которые прятал в тумбочке. Я был зол на него, но есть-то все равно хотелось, и я взял.

Я грыз этот батончик по пути в туалет. Из кухни доносились приглушенные голоса, и я подкрался поближе. Разговор наверняка был обо мне, и я хотел знать, что они говорят.

Двери в кухне были двойные, открывающиеся в обе стороны. Я приставил глаз к щелке. Алисия разливала чай.

– Копы его, должно быть, перепугали до смерти, – говорила она, наливая молоко в две кружки и протягивая одну Мартину. – Этими своими угрозами отправить в психбольницу. Если он догадался, что они имели в виду, – неудивительно, что сбежал.

– Да, но теперь-то его точно заберут, – сказал Мартин.

Алисия вздохнула.

– Бедный мальчик.

* * *

Ну уж нет, хрена лысого я пойду в психушку.

Дверь на замке. Стены и темнота обступают со всех сторон, надвигаются, душат, воздух спертый, тяжелый от моего дыхания... Нет, больше никогда.

Я сделаю что угодно, все, что они хотят, только не это.

* * *

– Мне нужно вам кое-что сказать, – выговорил я на следующее утро.

Вилки звякнули о тарелки, и за столом воцарилась тишина, прямо как в кино.

Алисия пришла в себя первой.

– Конечно, Колин. Давай пройдем с тобой в кабинет, и там...

– Меня зовут Дэниел, – сказал я. – Дэниел Тейт.

* * *

Алисии это имя ни о чем не говорило. Она же родом не из Северной Калифорнии, где это имя не сходило с газетных заголовков.

Дэниел Тейт, сын наследницы упаковочной империи. Дэниел Тейт, принц Америки. Дэниел Тейт, мальчик, который исчез.

* * *

Вы-то, наверное, поверили моим рассказам – что я какой-то безымянный бродяжка из канадского захолустья? А зря. Я же сразу сказал, что я обманщик. Этот мальчишка – просто одна из множества моих фантазий. Я выдумал его, потому что он-то был тертый калач, он выжил бы там, где мне было не выжить. А еще потому, что даже его страшная жизнь была лучше того, что случилось со мной на самом деле.

* * *

Тот день, когда это случилось, был солнечный. Я шел и катил рядом велосипед: цепь слетела, а я не умел ставить ее на место. Шел домой к отцу: он-то точно знает, что делать. Папа знал все на свете.

Из-за угла вывернул белый фургон и остановился возле меня. Я по наивности даже не испугался. Дверца отъехала, и из тени высунулись руки. Одни схватили меня, втоптали в темноту и заткнули рот, когда я попытался кричать. Другие втоптали туда же велосипед, не оставив никакого следа того, что я был здесь. Вот и все. Десять секунд – и я исчез, и никто ничего не заметил. Так быстро и незаметно можно похитить человека, даже на залитой солнцем улице в безопасном пригороде.

Они старались заставить меня забыть, кто я такой, и на долгое время им это удалось. Я воображал себе десятки других жизней, пока меня переводили из одной темной комнаты в другую, передавали от одного незнакомца другому. Когда было больно, я закрывал глаза и становился кем-нибудь другим. Я был супергероем в плену у заклятого врага-злодея. Королем инкогнито. Малолетним преступником из маленького, занесенного снегом городишки, бегущим от копов. Кем угодно, только не Дэниелом Тейтом.

* * *

– Я сбежал, – рассказывал я Алисии. – Однажды они забыли запереть дверь, и я выскочил. Я не знал, где я, не знал даже, какой год на дворе.

Глаза Алисии были полны слез, но она сдерживалась.

– Почему ты никому не говорил?

– Я очень многого не помню, – ответил я. – Я долго даже не знал, кто я такой. И...

– И что? – мягко переспросила она.

– Они все могут. – Мои руки, лежавшие на коленях, сжались в кулаки. – Они сильнее полиции. Если они меня найдут, то увезут снова.

Она накрыла мою ладонь своей.

– Этого не случится, – проговорила она с легкомысленной самоуверенностью человека, который понятия не имеет, во что ввязывается.

– Вы не понимаете, – сказал я. – Вы не знаете, что это за люди, какие у них связи. Если я окажусь в какой-нибудь государственной больнице или психиатрической клинике, они меня найдут. Заберут, и я снова исчезну, и во второй раз мне уже от них не уйти.

– Никто тебя никуда не заберет, – бодро сказала она. – Мы пойдем в полицию...

– Нет! – сказал я. – Нельзя им говорить, кто я!

– Придется, – сказала она. – Но тебе нечего бояться. Дэниел, ты должен вернуться домой.

* * *

Алисия отвезла меня все в тот же полицейский участок Коллинвуда, и вскоре мы уже входили в кабинет того самого следователя, что угрожал отправить меня в психиатрическую клинику, – Барсона. Когда мы вошли, он отодвинул от себя недоеденный сэндвич и спросил, что нам нужно.

Я сказал, что я Дэниел Тейт, что меня похитили в Хидден-Хиллз, Калифорния, шесть лет назад. Он смотрел на меня абсолютно непонимающим взглядом, и я не мог его винить. Я и сам понимал, как бредово это звучит.

– Как, говоришь, тебя зовут? – переспросил он, пока его компьютер выходил спящего режима.

– Дэниел Тейт.

Он ввел мое имя в поисковик, и первой же ссылкой тот выдал «Центр помощи пропавшим и пострадавшим детям». Барсон нажал на ссылку, и на экране появилось объявление о пропаже ребенка с теми же данными, что я назвал ему только что. Мое имя, возраст, город, где я пропал. Там же была фотография. Светло-каштановые волосы – чуть светлее, чем у меня теперь, светло-карие глаза, веснушки на носу, острый подбородок. Барсон посмотрел на меня, потом опять на фото.

– А это точно ты? – спросил он. – Сам же говоришь, что почти ничего не помнишь.

– Я помню, кто я. – «Сукин ты сын», – добавил я мысленно.

– Вы с ним не так уж и похожи.

– Да ты что, Фрэнк, – сказала Алисия. – Ему же здесь всего десять лет. Ты же знаешь, как по-разному дети выглядят в десять лет и в шестнадцать.

Барсон подумал, и морщины у него на лице обозначились резче.

– Почему ты раньше не пришел и не заявил?

Тут у Алисии наконец лопнуло терпение, и она всплеснула руками:

– Мальчика держали в плену, он травмирован! Чудо, что он сейчас-то решился заявить!

– Ну-ну, Алисия, не кипятись. Вопросы вполне резонные. – Барсон еще с минуту вглядывался в меня, затем повернул экран компьютера так, чтобы мне не было видно. – Когда ты родился?

На короткий миг у меня перед глазами возник голубой торт и сверкающие на солнце шарики в фольге.

– В ноябре. Шестнадцатого.

– А год?

– Двухтысячный.

Следователь стиснул зубы, поднялся.

– Подождите минутку здесь, – сказал он и вышел из кабинета.

Я повернулся к Алисии.

– Он мне не верит. – Голос у меня дрожал.

– Поверит, – ответила она. – Просто нелегко вот так сразу все это переварить.

«Минутка» плавно перетекла в две, затем в десять. Наконец Барсон просунул голову в дверь кабинета.

– Ты помнишь свой адрес? – спросил он. – Номер телефона?

Я покачал головой.

– Я... я помню, что жил в Хидден-Хиллз.

– А улицу не помнишь?

Алисия положила мне руку на плечо.

– Не волнуйся, Дэниел. Никто и не думает, что ты сможешь вспомнить все детали через столько лет, да еще после всего, что тебе пришлось пережить.

Барсон только хмыкнул и снова исчез. Прошел час, а его все не было. Один из полицейских принес нам пару сэндвичей с индейкой и по стакану содовой. Сказал, что Барсон разговаривает с начальством. Я взял с его стола стандартный блокнот и принялся рисовать.

Алисия заглядывала мне через плечо. Я рисовал Такера – набыченного, показывающего средний палец.

Алисия рассмеялась.

– Здорово. А Мартина можешь?

Я стал рисовать Мартина – как он переворачивает блинчики на сковородке, в фартуке в цветочек, – а Алисия пока позвонила Диане и рассказала ей, как идут дела. Алисия только что отработала полную ночную смену, но, похоже, уходить не собиралась.

– Извините, – сказал я. – Вы ведь, наверное, устали.

– Помолчи, – ответила она.

Прошло еще полчаса, я уже изрисовал с полдюжины листов в блокноте, а Барсона все не было, и мне больше не сиделось на месте. Я начал ходить взад-вперед по кабинету. Ровно четыре шага в ширину. Мне вспомнился тот автобус до Калгари. Я мог бы сейчас сидеть в нем, если бы заметил Мартина минутой раньше или просто шел чуть побыстрее.

– А что, если они прямо сейчас за мной придут? – спросил я. У меня не было больше сил сдерживаться. Куда бы я ни взглянул, всюду мерещились руки, тянущиеся из темноты, чтобы схватить меня. – Если опять увезут меня туда и...

– Никто тебя не увезет, Дэниел, – сказала Алисия. Она хотела было взять меня за руку, чтобы я перестал ходить туда-сюда, но я оттолкнул ее руку.

– Откуда вы знаете!

И тут дверь распахнулась. Я отпрянул, но это был всего-навсего Барсон, а с ним еще какой-то человек. Следователь остался стоять у стены, а тот, второй, уселся за стол, и тогда я тоже сел.

– Дэниел, я начальник полиции Гарольд Уорнер, – сказал он. – Извини, что заставил тебя ждать.

– Ничего, – проговорил я дрожащим голосом.

– Как ты наверняка догадываешься, с тех пор, как следователь Барсон проинформировал меня о твоём деле, произошло немало событий, – продолжал он, – но, если ты готов поговорить по телефону со своим братом, он на проводе.

Я будто об землю грохнулся после долгого падения с высоты. Дыхание перехватило.

– Что?..

– Я только что полчаса проговорил по телефону с полицейским участком в Малибу – проверял твою историю, – сказал он. – Они дали мне телефон Патрика Макконнелла. Это же твой брат по матери, так?

Я кивнул.

– Ну так вот, он сейчас на проводе, – сказал Уорнер. – Хочешь с ним поговорить?

– Дэниел... – мягко произнесла Алисия.

Говорить я не мог – в горле пересохло, но они оба неотрывно смотрели на меня, и я снова кивнул. Уорнер что-то говорил мне, пока брал со стола телефон Барсона и нажимал какую-то кнопку, но я слышал только, как шумит кровь в ушах, а в голове без конца крутилось: «Патрик, Патрик, Патрик...» От прошлой жизни в памяти у меня остались одни осколки – даже если соединить их вместе, стало бы только заметнее, скольких кусков не хватает, – но очень многие из этих осколков были связаны со старшим братом. Вот Патрик учит меня, как держать бейсбольную битку. Вот помогает с уроками по математике. Вот разрешает мне вместе с ним смотреть допоздна фильмы ужасов, когда родители уезжают куда-нибудь вечером.

Уорнер протянул мне телефон, но я тут же его выронил. Алисия подхватила его и сжала мне плечо.

– Все хорошо, – сказала она.

Я кивнул и поднес телефон к уху.

– Дэнни? – слышался голос. – Дэнни, это ты?

– Патрик? – кое-как выдавил я.

Алисия встала и жестом поманила за собой Барсона. Тот неохотно вышел из кабинета следом за ней, а потом и Уорнер, и я остался один.

– Ты... – Патрик неуверенно помолчал. – Ты правда мой брат?

Я кивнул, хотя он не мог этого видеть.

– Это я, Патрик.

– Они говорят, ты в Ванкувере?

– Меня сюда привезли, – сказал я. – Я так долго жил у них, но п-потом сбежал...

– О, господи. Дэнни. – Патрик заплакал. – Это и правда ты.

Я тоже заплакал.

– Я хочу домой.

– Не волнуйся, – сказал он. – Мы уже едем за тобой.

* * *

На следующий день Алисия снова привезла меня в полицейский участок. Патрик и Алексис, мои брат и сестра (наполовину – от первого маминого брака) прямо с утра сели в самолет и уже летели за мной. По крайней мере, так все говорили. Я-то понимал, что на самом деле он летят посмотреть на меня. Посмотреть, тот ли я, кем назвался, или какой-нибудь мошенник-социопат, выдающий себя за их брата. Это было единственное объяснение, почему летят они, а не мама: все-таки побаиваются, что я окажусь самозванцем.

Это было обидно, но я не мог их особенно винить. Я бы, наверное, и сам себе не поверил на их месте.

Но что, если они и правда не поверят?

Всю дорогу в участок я грыз ногти.

– Нервничаешь? – спросила Алисия.

Я кивнул.

– Все будет хорошо, Дэниел, – сказала она. – Все будет отлично.

Я потер большим пальцем тыльную сторону ладони и кивнул:

– Угу.

Начальник полиции Уорнер ждал нас. Он отвел нас с Алисией в комнату для допросов, в ту самую, куда они засадили меня в тот вечер, когда подобрали на улице. Теперь она показалась мне меньше, чем раньше, и обшарпаннее. Я вдруг стал видеть все с повышенной резкостью, от пятен кофе на ковре до облупившейся краски на дверном косяке. Вот где я снова увижу Патрика с Алексис, думал я. Среди облупившейся краски и грязных пятен.

Я посмотрел на свою одежду, взятую из кучи секонд-хенда в кладовой приемника № 8. Натянул пониже рукава свитера – они были мне коротковаты. Что они подумают, когда увидят меня в этом? Страх, весь день точивший меня по капле, нахлынул сплошным потоком, заполнив обычную пустоту в груди.

Дверь открылась, я и так и подскочил, но это был всего лишь Уорнер.

– Они только что звонили, – сказал он. – Уже едут в такси. Будут здесь минут через десять.

Я стал шагать взад-вперед. Эта комната была попросторнее кабинета Барсона – почти шесть шагов в ширину. Я считал их снова и снова, расхаживая от стены к стене. Когда я был маленьким, я видел тигрицу в клетке зоопарка – она точно так же шагала взад-вперед за стеклом, и тугие мышцы, налитые угрозой, так и перекатывались под шкурой. Может быть, ей тоже было страшно, подумал я.

– Дэниел, – осторожно проговорила Алисия. – Как ты? Может, принести тебе чего-нибудь?

– Я не могу, – сказал я. – Не могу, Алисия. Мне нужно уйти отсюда.

– Эй, все будет хорошо, – проговорила она самым успокаивающим тоном. – Я тебе обещаю.

– Вы не можете обещать! – огрызнулся я. – Вы не знаете, как все будет. Вы ничего не знаете!

И тут дверь открылась. И все вокруг стало двигаться медленно-медленно.

* * *

Первым вошел Уорнер. Другого человека я почти не видел за его спиной – только краешек, только промельк аккуратно причесанных темных волос. А потом он шагнул вперед, и я увидел его целиком. Патрик. Шире в плечах, чем в то время, когда я его запомнил, а лицо, наоборот, похудевшее. Высокий, красивый, крепкий, только римский нос уж очень острый. На нем был безупречный серый костюм – вот этого я не ожидал. Видно, не я один изменился за эти шесть лет.

Рядом с ним, держась за руку, стояла Алексис. Хрупкая, в противоположность крепко сбитому Патрику, светловолосая, изящная – девушка-одуванчик. Патрик всегда был для меня чем-то вроде бога, гиганта, и сейчас это впечатление не пропало, а вот Алексис стала как будто меньше ростом.

Они стояли у самой двери и в упор смотрели на меня. А я на них. Все суставы, нервы и кровеносные сосуды у меня ходили ходуном, и я был уверен, что вот-вот рассыплюсь на части. Они переглянулись, и что-то трудноопределимое мелькнуло у них в глазах и на лицах, а потом снова стали смотреть на меня.

Патрик первым сдвинулся с места – сделал один-единственный маленький шаг ко мне.

– Боже мой, – прошептал он. – Это и в самом деле ты, правда?

Я оцепенело кивнул.

Он шумно выдохнул, будто у него весь воздух выпустили из легких, а потом бросился ко мне и стиснул в объятиях, и мне сразу все ноздри забило запахом дорогой шерсти и лосьона после бритья. Плечи у него тряслись, как будто он

плакал, или смеялся, или то и другое вместе. Он мне поверил, и в его объятиях я снова почувствовал себя маленьким мальчиком.

Но страх от этого не стал меньше. Наоборот, только усилился. После надежды разочарование бывает смертельным, а Алексис между тем так и стояла у Патрика за спиной. Стояла и смотрела на меня. В глазах у нее был тот же страх, что и у меня в сердце.

Патрик отстранился от меня и обернулся к сестре. Протянул ей руку.

– Все в порядке, – сказал он. – Это Дэнни.

Глаза у нее были полны слез, и она чуть заметно покачала головой.

– Не бойся, – твердо сказал Патрик. – Иди сюда, обними брата.

Она перевела взгляд с меня на Патрика и обратно и шагнула к нам.

– Дэнни? – тихо проговорила она.

Я кивнул, и она медленно протянула руку, коснулась моей щеки кончиками пальцев. Словно боялась, что ее рука пройдет сквозь меня.

– Не могу поверить, – сказала она. Заплакала, обхватила меня руками за шею и прижала к себе с такой силой, какой я даже не ожидал от нее.

– Здравствуй, Алексис, – прошептал я.

Патрик рассмеялся:

– Зачем же так официально, братишка?

Я проглотил комок. Уорнер кивнул Алисии, и они оба тихонько выскользнули из комнаты, оставив нас втроем. Алексис выпустила меня из объятий.

Дальше все заволочло туманом слез, смеха и слов. Я все не мог перестать таращиться на них и жадно ловил их ответные взгляды. Патрик расспрашивал, что со мной случилось, где я был эти шесть лет. Уорнер пересказал то, что слышал от меня, но у него все равно оставалось еще много вопросов. А Алексис просто смотрела на меня и молча смахивала со щек слезы, которые катились у нее из глаз, пока Патрик засыпал меня вопросами.

Но ответов он не дождался. Они застревали у меня в горле и не шли наружу. Патрик сказал – ничего, никто не заставит меня рассказывать о том, о чем я рассказать пока не готов. Сейчас время радоваться.

– Начальник полиции сказал, что ты почти ничего не помнишь, – сказал Патрик. – О нас и о своей жизни.

Я кивнул.

– Наверное... наверное, так просто было легче. Забыть, кем я был раньше.

Патрик бросил взгляд на Алексис и сжал ее руку.

– Мы понимаем. – Потом улыбнулся дрожащими губами. – Так странно слышать от тебя канадский акцент.

– А-а... – Об этом я не подумал. – Должно быть... эти люди, которые меня похитили...

– Можешь пока не рассказывать, – сказал он.

– Спасибо, – ответил я и теперь я старался выговаривать гласные покруглее, как Патрик.

– Лекс, где твой телефон? – спросил он.

Алексис (то есть Лекс) сунула руку в сумочку и достала свой мобильный телефон. Кажется, она догадалась, чего хотел Патрик: открыла фотографии, сохраненные в памяти, и мы втроем склонились над экраном.

– Вот Миа, – сказала Алексис, когда на нем показалось фото темноволосой девочки с косичками, в желтом платье. – Правда, не верится, какая она уже большая? Она же была почти младенцем, когда...

Она не договорила. Патрик дотянулся через меня и положил руку ей на спину.

– Вылитый твой папа, правда? – сказал он. Пролистнул фото Миа, и оно сменилось другим – бледным худеньким пареньком в очках, с едва заметной усмешкой на губах. – А вот Николас. Пару месяцев назад он начал ходить по колледжам, выбирать, куда поступать, и клянется, что ни за что не станет учиться ближе чем за тысячу миль от Калифорнии.

Я улыбнулся.

– Похоже на Николаса.

Лекс взглянула на меня и снова перевела взгляд на экран. Она перебирала картинки, пока не отыскала фото мамы – в ней идеально сочетались черты самой Алексис и Патрика. Высокая и плотная, как Патрик. Белокурая и красивая (хотя и несколько увядшей красотой), как Лекс. На снимке она стояла рядом с Миа, а та задувала свечи на праздничном торте. Мама улыбалась, но в глазах улыбки не было, и смотрели они куда-то вдаль.

– Как она? – спросил я.

– Она... – Патрик откашлялся. – Она будет рада тебя видеть.

Они показали мне еще несколько десятков фотографий. Папу, наш дом, нашего старого золотистого ретривера Хони, моего лучшего друга Эндрю, который, как сказала Лекс, пару лет назад переехал с родителями в Аризону. Соседей, кузенов, приятелей, которых я не мог назвать по именам. Я притворялся, будто узнаю кое-кого, но вряд ли это выглядело убедительно. Это было все равно что рассматривать фотографии из чьей-то чужой жизни.

Но это была жизнь, которой я хотел жить.

– Не волнуйся, – сказала Лекс. – Мы тебе поможем вспомнить.

Дверь в комнату для допросов отворилась, и Уорнер просунул в нее голову.

– Как идут дела?

Патрик встал.

– Когда мы сможем забрать брата домой?

– Хм, это не такой простой вопрос, – ответил Уорнер. – Нельзя же вот так просто гулять туда-сюда через границу. У него ни паспорта, ни удостоверения личности.

Лекс порылась в сумочке, достала оттуда папку и протянула начальнику.

– Здесь его свидетельство о рождении и карточка социального страхования.

– Это снимает вопрос об удостоверении личности, – сказал Патрик.

Уорнер взглянул на документы в папке, и между его нахмуренными бровями прорезались тонкие морщинки.

– Хм. Это, разумеется, меняет дело, но...

– Что? – переспросил Патрик.

Уорнер бросил взгляд на меня и снова отвел глаза.

– Может быть, поговорим в коридоре, мистер Макконнелл?

Патрик вышел вслед за Уорнером, а Лекс осталась со мной. Дверь была закрыта, но до нас доносились приглушенные голоса – правда, не настолько громкие, чтобы разобрать слова. Да можно было и не слушать, я и так все понимал. Свидетельство о рождении Дэниела Тейта доказывало только то, что он родился на свет, но не то, что я – это он.

– Не волнуйся, – сказала Лекс. – Патрик с этим разберется.

Она говорила очень уверенным тоном. Откуда у нее такая уверенность?

– Да? – удивился я.

– Он мастер убеждать. И большой упрямец. – Она перевела взгляд на дверь. – Он всегда добивается своего.

Голоса в коридоре звучали все громче. Теперь я разобрал слова.

– Об этом не может быть и речи! – говорил Патрик.

Уорнер был спокойнее, поэтому его труднее было расслышать.

– ...Элементарный тест... удостовериться...

Мои ногти впились в ладони.

– ...Никаких тестов ДНК! Мальчик пережил чудовищное насилие, и мы не станем подвергать его... не хотим, чтобы он думал, будто мы в чем-то сомневаемся...

Я посмотрел на Лекс. Она опустила глаза, избегая моего взгляда, но обняла меня одной рукой за плечи. Моей голой шеи касался ее кашемировый свитер, такой теплый и мягкий. Я чувствовал, что она дрожит. Вдруг дверь распахнулась, и Патрик снова вошел в комнату.

– Это мой брат, констебль, – говорил он. – Как по-вашему, насколько вероятно, что мы с сестрой его не узнали?

– Я не сказал, что не верю вам, – говорил Уорнер, – но если бы вы дали нам возможность убедиться...

– Мы не станем ждать несколько недель, пока придут результаты теста и подтвердят то, что мы знаем и так, – ответил Патрик. – Мой брат поедет с нами домой, и чем скорее, тем лучше.

– Я не эксперт, но уверен, что власти затребуют доказательства ваших слов, прежде чем пропустить его через границу, – сказал Уорнер.

– Посмотрим. Я уже позвонил в посольство, они пришлют кого-нибудь сюда. А пока не смейте его трогать. – Голос у Патрика был стальной. – Он несовершеннолетний, у меня есть доверенность от матери, согласно которой я его официальный опекун, и я вам запрещаю это делать. Посмотрим, что скажут в посольстве.

* * *

Чиновница из посольства прибыла с удивительной (а может, как раз наоборот) быстротой. Представилась Шейлой Бринделл. Костюм на ней был наверняка и вполтину не такой дорогой, как у Патрика, однако седеющие волосы и манера держаться создавали впечатление солидности. Обручального кольца на руке не было, зато на шее висел медальон сердечком. Сердечки – детское украшение, поэтому я предположил, что она всю жизнь была карьеристкой, и, пока карабкалась по служебной лестнице, ей было не до свиданий, а теперь с тоской улыбается младенцам в колясках и души не чает в племянниках и племянницах. Твердая кора снаружи и слезливая, сентиментальная сердцевина внутри. Она села напротив нас с Патриком и Лекс, а Уорнер наблюдал за нами из угла, сидя в кресле.

– Вы, несомненно, понимаете, мистер Макконнелл – ситуация очень необычная, – сказала она, машинально щелкая кнопкой авторучки.

– Думаю, вы убедитесь, что мы понимаем это как никто другой, – сказал Патрик. – Мы признательны за то, что вы так скоро согласились принять нас.

– Да, разумеется, – сказала она. – Консул попросил меня заняться этим делом персонально и позаботиться о том, чтобы все было улажено как можно скорее.

Патрик лишь холодно улыбнулся. Что-то тут происходило такое, чего я не понимал – какая-то негласная договоренность между этой женщиной и моим братом.

– Однако, прежде чем мы сможем выдать Дэниелу паспорт в срочном порядке, я должна задать ему несколько вопросов, – продолжала мисс Бринделл. – Мне нужны доказательства, что он тот, кем вы его считаете.

– Разумеется, – сказал Патрик.

– За отсутствием теста ДНК...

Лекс рядом настороженно выпрямилась.

– ...Придется обойтись этим опросом, – договорила мисс Бринделл. – Дэниел, ты можешь назвать свое второе имя?

– Погодите, – сказал Патрик. – Мой брат страдает тяжелой потерей памяти в результате травмы...

– Ничего, – сказал я. Я знал ответ. – Мое второе имя – Артур.

Она кивнула.

– А дата рождения?

– Шестнадцатое ноября двухтысячного года.

– Можешь назвать мне имена своих родных? – спросила она. – Можно только ближайших родственников.

В горле у меня пересохло, я ухватил самыми кончиками пальцев бутылку воды, которую еще раньше принес помощник шерифа, и сделал большой глоток.

– Мои родители – Джессика и Роберт Тейты. Патрик и Алексис Макконнелл – брат и сестра от первого маминого брака. Есть еще старший брат Николас и младшая сестра Миа. – Я видел, что мисс Бринделл старается сохранить невозмутимое выражение лица, и прибавил: – У меня самая лучшая семья на свете.

Она на миг опустила глаза, глянула на стол, а затем они с Патриком обменялись многозначительными взглядами. Она раскрыла портфель и достала пачку бумаги. Протянула мне, и я увидел, что это фотографии, распечатанные на обычной офисной бумаге.

– Можешь показать мне тех людей, которых только что назвал, Дэниел?

Я начал перебирать фотографии.

– Вот Николас, – сказал я, доставая из пачки фото, сделанное, по всей видимости, в школе, и протягивая ей. Я перелистал несколько фотографий незнакомых людей, ища Миа или родителей, и тут мой взгляд выхватил среди неизвестных лиц еще одно знакомое. Сердце заколотилось быстрее. Я вытащил фотографию из пачки: девочка-подросток, круглощекая, с жесткими колючими волосами, позирующая со сноубордом. Я бы никогда в жизни ее не узнал, если бы Лекс не показала мне ее фото каких-то пару часов назад.

– Это моя двоюродная сестра. Ее зовут... Равенна. – Повезло мне, что у нее такое дурацкое имя: легче запомнить. – Возле дома в Италии, где она родилась.

Мисс Бринделл приподняла бровь, а затем медленно улыбнулась. Это была проверка. Она хотела посмотреть, узнаю ли я кого-то из моего прошлого, кого мне не велено было искать. Дальше я уже смотрел на фотографии внимательнее, выбирая те лица, что видел в телефоне Лекс.

– Это моя бабушка. Она умерла, когда я был еще маленьким. А это, кажется, мой лучший друг Эндрю. – Я чувствовал, как Лекс с Патриком переглянулись поверх моей головы, но никто из нас не сказал ни слова. Фото Миа на детской площадке я пролистнул молча и наконец дошел до последней фотографии: светловолосая женщина и темноволосый мужчина, нарядно одетые, танцевали на какой-то вечеринке. – А это мама и папа.

– Ты не узнал свою сестру, Миа, – сказала мисс Бринделл.

Я моргнул.

– Она была еще совсем маленькой, когда я видел ее в последний раз.

Она только кивнула. Я вернул ей пачку фотографий. Рядом Патрик охнул и схватил меня за руку. Я вздрогнул.

– Боже мой, – проговорил он, разглядывая маленькое темное пятнышко на моей коже, на тыльной стороне ладони, между большим пальцем и указательным. Я чувствовал, как у него дрожит рука, и он смотрел то на пятнышко, то на меня широко распахнутыми глазами. – Господи Иисусе.

Я нахмурился. Что это еще за...

– Мистер Макконнелл?

Патрик оторвал взгляд от меня и поглядел на мисс Бринделл.

– Вам нужно доказательство? – проговорил он дрожащим голосом. – Посмотрите в своих документах. У Дэнни это родимое пятно с рождения.

Мисс Бринделл глянула на пятнышко на моей руке, а затем – в лежащие перед ней бумаги. Лекс тоже наклонилась посмотреть, и ее ладонь дернулась ко рту.

– Вы правы. Пятно светло-коричневого цвета над большим пальцем левой руки, – прочитала мисс Бринделл. Подняла глаза и улыбнулась. – Мне этого достаточно.

– Значит... вы одобрите срочную выдачу паспорта? – спросила Лекс, с трудом переводя дыхание.

Мисс Бринделл стала собирать свои вещи.

– Мы немедленно приступим к оформлению документов. Завтра ты полетишь домой, Дэнни.

* * *

Домой, домой, домой. Это слово стучало у меня в ушах, как сердце в груди, пока я собирал свои скудные пожитки.

* * *

Наутро, с твердым новеньким паспортом в кармане куртки, я прощался с Алисией у американского посольства. Она обняла меня и шепнула на ухо:

– Удачи, Дэнни.

Патрик уже махал мне рукой из лимузина, который он нанял, чтобы отвезти нас в аэропорт. В этот миг мне хотелось только одного: вернуться в приют № 8 вместе с Алисией, снова затеряться в толпе. Я вот-вот должен был получить то, о чем всегда мечтал, но, если бы не понимал, что не успею пробежать и пяти кварталов, как меня поймут, я бы бросился наутек.

Вместо этого я сел в машину и стал смотреть, как Алисия машет мне вслед, пока она не скрылась из виду.

Мы летели первым классом. Не успели еще даже взлететь, как стюардесса уже принесла Патрику и Лекс по бокалу шампанского, которое девушка выпила залпом, а мне – теплое печенье. А ведь еще какую-нибудь неделю назад я спал на автобусной остановке и пробавлялся пакетиками чипсов и конфетами, стянутыми в магазинах.

Я должен был чувствовать себя счастливым. Печенье не должно было застревать у меня в горле и казаться таким черствым и безвкусным. Но, может быть, счастье – одно из тех чувств, на которые я уже неспособен, а если и способен, то оно просто не могло пробиться ко мне сквозь страх, пульсировавший в венах, как прибой, набегавший волна за волной, поднимающийся все выше и выше, пока дышать не стало почти невозможно.

Они будут встречать нас в аэропорту. Тейты. Они только посмотрят на меня, и все будет кончено, и при одной мысли об этом я обмирал от страха.

Потому что я, конечно же, не был Дэниелом Тейтом.

* * *

Ну да, я обещал говорить правду. Но я соврал. Я всегда вру. Seriously, если вы поверили мне хоть на секунду, вам некого винить, кроме себя.

Но вот с этого момента уже начинается правда. Клянусь. Того, что было дальше, даже я бы не придумал.

* * *

Я попал. Патрика с Лекс я еще как-то сумел провести, но всю семью мне не одурачить. Это немыслимо.

Лекс перехватила мою руку, когда я поднес ее ко рту, чтобы начать грызть и так уже обкусанный ноготь.

– Не нервничай, – сказала она, хотя сама, судя по виду, волновалась не меньше моего. Опустила мою руку обратно на колени и сжала мне пальцы. – Все будут очень рады тебя видеть.

– А кто там будет? – спросил я.

– Только мама и дети. Мы не хотели сразу обрушивать на тебя слишком много.

Я кивнул. Значит, только Джессика, мать Дэниела, и его брат с сестрой – Николас и Миа. Вчера я узнал от Патрика и Лекс, что отец Дэниела уже два года сидит в тюрьме за уклонение от уплаты налогов и растрату, а Миа была еще совсем маленькой, когда Дэниел пропал, и даже не помнит его, значит, беспокоиться нужно только о двоих. Но тут уж хоть двое, хоть сто – я просто не мог себе представить, чтобы мать посмотрела в глаза незнакомца и поверила хоть на секунду, что это ее сын. Как бы ей ни хотелось, чтобы это была правда.

Стюардесса заметила, что содовой у меня почти не осталось, и принесла мне еще, плюс третье безвкусное печенье. Я летел на самолете первый раз в жизни и пытался себе представить, каким непохожим будет второй, когда меня разоблачат и депортируют в Канаду, а там отправят в тюрьму.

Все пошло совсем не по плану.

Лекс перегнулась через подлокотник кресла и поцеловала меня в висок. От нее пахло дорогим шампунем и стиральным порошком с лавандовой отдушкой, а я думал только об одном: как же надо хотеть поверить и какой быть тупицей, чтобы проглотить всю это смехотворную чушь, что я ей наговорил. Когда она смотрела на меня, глаза у нее сияли. С тех самых пор, как я впервые ее увидел, она или смотрела круглыми глазами, или дрожала, или плакала, иногда все вместе. Мне бы ее пожалеть или почувствовать вину за то, что делаю, но я на это был неспособен.

– Мы снова вместе, это главное, – сказала она. – Теперь все будет хорошо.

* * *

По трапу я шел, будто на эшафот. Еле волочил ноги, смотрел в пол – снова вошел в роль травмированного ребенка, которая столько раз помогала мне дурачить людей раньше. Бейсболку, как всегда, надвинул на глаза, а с утра тщательно побрился, хотя белесая щетина была почти незаметна. Обычно этих двух уловок хватало, чтобы скрыть мой настоящий возраст от равнодушных копов, но нельзя же было рассчитывать, что это надолго обманет семью Тейтов. Может быть, если повезет, эта игра поможет протянуть время, чтобы удрать от них и исчезнуть, что я и пытался безуспешно сделать с самого начала.

Патрик шел рядом, положив руку мне на плечо – одновременно успокаивая и подталкивая вперед. Вот он был совсем не похож на тупицу. Может быть, я, хоть и понимал толк в махинациях, до сих пор недооценивал способность людей обманывать самих себя, когда им выгодно.

Струя воздуха из компрессора, когда мы вышли в аэропорт, обдала меня резким и неожиданным холодом. За огромными окнами от пола до потолка тянулось бесконечное и безоблачное синее небо, а бетон полосы сверкал на солнце, как вода. А в Ванкувере сточные канавы еще забиты подтаявшим бурым снегом. Я вышел из самолета в другой мир.

* * *

Хотите знать, как это получилось?

План родился в ту самую ночь, когда Мартин поймал меня на автобусной остановке. Ни за что на свете я не дал бы запереть себя в психушку, но я почти все деньги даром просадил на автобусный билет, а персонал приюта № 8 следил за мной во все глаза, и даже код в системе поменяли. Нужна была какая-то хитрость, которая поможет отвлечь копов и выиграть время: тогда я успел бы придумать, как смыться отсюда, и вскоре уже разыгрывал бы травмированного ребенка, найденного случайным прохожим, в каком-нибудь другом городе.

Никто же не думал, что это зайдет так далеко.

Мартин отправил меня обратно в постель около часа ночи. Я лежал и обдумывал следующий ход. Каждые полчаса Алисия приоткрывала дверь и заглядывала в щелку, чтобы убедиться, что я на месте, а я прикидывался спящим. Через пять минут после очередной проверки в четыре утра, когда я был уверен, что она уже снова у себя в кабинете, я соскользнул с кровати и достал оставшиеся деньги из потайного кармана в рюкзаке. У меня была одна десятка, одна пятерка и немного мелочи. Не густо, но ничего, хватит.

Я на цыпочках вышел за дверь и прокрался в соседнюю комнату. Она была двухместная, и там жили два парня: двенадцатилетний Маркос, такой здоровенный, что иной футбольный полузащитник позавидует, и почти такой же неразговорчивый, как я сам, и Арон – тщедушный паренек, склонный к истерическим припадкам и легкой kleptomании. Я потряс Арона за плечо, чтобы разбудить. Он растерянно заморгал.

– Хочешь десять долларов? – спросил я.

– А ты чего хочешь? – поинтересовался он.

– А я хочу, чтобы ты поорал.

Он недоверчиво смотрел на меня.

– Деньги покажи.

Я вытащил из кармана десятку.

– Что ты задумал? – спросил он.

– Не твое дело.

Он сел.

– Пятнадцать.

Я сжал зубы. Так я, считай, ни с чем останусь. Но торговаться с этим мелким засранцем было некогда.

Я протянул Арону пятнадцать долларов, объяснил, что ему надо делать, и вернулся в свою комнату. Через пару минут Арон начал орать. Такер выругался вполголоса и даже глаз не открыл, а Джейсон только перевернулся на другой бок и накрыл голову подушкой. Когда растешь в приютах, привыкаешь засыпать, какой бы шум вокруг ни стоял. Через несколько секунд в коридоре раздались шаги: тяжелые – Мартина и легкие – Алисии. Когда на Арона находило, он не только орал во всю силу легких, а еще и махал кулаками и брыкался. Справиться с ним можно было только вдвоем, по одному на каждую руку, чтобы держать его, пока он не успокоится. А на ночном дежурстве их всего-то двое и есть.

Как только я услышал, что Мартин с Алисией вбежали в комнату Арона, я снова вылез из кровати. Времени у меня было ровно столько, на сколько хватит Ароновых легких, так что надо было пошевеливаться. Я направился напрямик в кабинет, но дверь оказалась запертой. Я-то надеялся, что Алисия оставит ее так. Не повезло. Дверь запиралась автоматически. Значит, нужно было придумать, как открыть. Я осмотрел ручку. Стандартный замок: прекраснoдушно и более чем наивно, учитывая то, какие детишки обитают в приемнике № 8. Взломать такой замок мне ничего не стоило.

Я прошел через коридор в комнату отдыха и пошарил в ящике с принадлежностями для рисования. На дне валялось несколько скрепок и булавок. Я взял большую скрепку, разогнул и вернулся к запертому кабинету. Арон пока что орал будь здоров.

С замком я провозился минуту или две, сгибая и разгибая скрепку по-всякому, и наконец дверь распахнулась. Я скользнул за старенький монитор и пошевелил мышкой, чтобы экран засветился. У Алисии была запущена игра «Солитер»:

должно быть, ей было очень скучно. Я свернул окно и открыл браузер.

Несколько минут поисков – и я обнаружил Дэниела Артура Тейта на сайте Центра помощи пропавшим и пострадавшим детям США. Я был горд своей хитроумной идеей: выдать себя за пропавшего американского ребенка. Не отправят же они в психушку несчастного похищенного мальчика, а времени на всю эту волокиту с расследованием международного похищения уйдет столько, что я наверняка успею раздобыть каких-никаких деньжат и смыться из Ванкувера. Дэниел казался идеальным прикрытием. Между нами было некоторое смутное сходство, и возраст у него был тот же, какой я себе приписывал, то есть на самом деле он был на несколько лет младше меня. Пропал он так давно, что по старым фотографиям сразу не определишь, что я не он.

Время поджимало, и я распечатал объявление о пропаже и первую попавшуюся статью об этом происшествии, чтобы почитать потом. Обычно я планировал свои махинации тщательнее, но в этот раз не знал, долго ли еще Арону удастся отвлекать на себя Мартина с Алисией. Я сложил распечатанные листы, засунул за пояс пижамных штанов, очистил историю браузера, снова развернул окно «Солитера» и перевел компьютер в спящий режим. Затем закрыл дверь кабинета и вернулся к себе в комнату. Незамеченным пробрался обратно в постель и бухнул кулаком в стену. Это был сигнал, о котором мы условились с Ароном. Еще несколько минут он делал вид, что понемногу успокаивается, и вскоре приемник № 8 вернулся к нормальной жизни.

Я прочитал объявление о пропаже ребенка и распечатанную статью при слабом свете фонаря за окном, запоминая все подробности, чтобы иметь на руках основную информацию в подтверждение своих слов. Если на какие-то вопросы ответить не смогу, сошлюсь на посттравматическую амнезию. Я долго вглядывался в лицо Дэниела Тейта, стараясь представить, каким он был, представить, что я – это он. Я придумал историю о том, где я пропадал все эти шесть лет, и почувствовал, как где-то внутри меня образ Дэниела начинает обретать плоть и кровь.

План был, кажется, что надо. Откуда же мне было тогда знать, во что я ввязываюсь.

* * *

«Никто же не думал, что это зайдет так далеко». Я все повторял эти слова про себя, как будто они могли что-то изменить, пока шел с Патриком и Лекс к зоне выдачи багажа. Сердце колотилось так, что делалось уже физически больно в груди. Боковое зрение начало затягивать каким-то черным туманом. Сейчас мы их увидим.

Мы встали на эскалатор, стали спускаться к лентам багажа, и вдруг нас ослепили вспышки света со всех сторон. Внизу толпилась дюжина фотографов. Я ошарашенно смотрел на них – сознание не поспевало за событиями.

Может, тут рядом какая-то знаменитость?

– О, боже мой, – сказала Лекс. Оттащила меня назад и прикрыла собой.

– Вот сукины дети! – сказал Патрик. – Как они разузнали, что мы здесь?

«Постой-постой...»

– Патрик, не надо... – проговорила Лекс и попыталась остановить его, но он уже летел вниз по эскалатору, прыгая через две ступеньки.

Вспышки не прекращались, и теперь отовсюду слышалось имя Дэнни. Вот же блин. Это меня они поджидали. В СМИ узнали – и не остались равнодушными к этой новости, – что Дэниел Тейт нашелся. Я был зол, как черт, на самого себя – за то, что не подумал об этом. Я давно привык к тому, что я никому не интересен, и мне как-то в голову не пришло, что Дэниел Тейт – совсем другое дело, что Тейты богаты, а то, что происходит с богатыми, всех волнует.

Дело оборачивалось хуже некуда.

Патрик врезался в самую гущу папарацци, те расступились и снова сомкнули ряды, будто стайка рыбешек вокруг акулы. Он был весь красный, сыпал сквозь зубы юридическим жаргоном и даже толкнул кого-то, стоявшего ближе всех. Сильно толкнул. Охранников, пробивающихся сквозь толпу фотографов, я заметил только тогда, когда один из них схватил Патрика за руку и держал.

– Патрик! – закричала Лекс.

К нам уже подбегала пара копов, и паника охватила меня с удвоенной силой. Патрик говорил, что мне не придется сразу разговаривать с копами, что он обо всем позаботится. Я рассчитывал, что успею смыться, пока у властей в Штатах дойдут до меня руки.

– Сюда, мэ, – сказал один из полицейских.

И вдруг оказалось, что мы куда-то идем, подгоняемые людским течением. Лекс снова окликнула Патрика, он пробился к нам сквозь толпу и крепко взял ее за руку, переплетя пальцы. Копы подвели нас к двери, в которую можно было войти только с карточкой-пропуском. Один открыл дверь и вошел первым, а другой подождал снаружи, чтобы закрыть ее за нами. Весь цирк закончился так же внезапно, как и начался: мы оказались одни в пустом тихом коридоре.

Руки Лекс ощупали меня всего – она хотела убедиться, что меня не разорвали на части.

– Как ты? – спросила она. – Прости, Дэнни. Я и представить себе не могла...

Меня всего трясло. Какая чудовищная, непоправимая ошибка – приехать сюда.

– Не волнуйся, – сказала Лекс. – Скоро мы будем дома. Там ты будешь в безопасности.

Не знаю уж, с чего она это взяла. Дэнни там в безопасности не был.

– Прошу за мной, – сказал оставшийся с нами коп. – Ваши родные ждут. Мы открыли для вас выход через боковую дверь.

– Благодарю вас, – сказал Патрик.

Едва я успел перевести дух, сообразив, что копы просто сопровождают нас и не собираются тут же на месте меня допрашивать, как мы уже стояли перед дверью, отделявшей меня от остальных Тейтов. Я уже видел их чуть-чуть сквозь узкую стеклянную полосу над дверной ручкой, хотя у меня была всего лишь доля секунды, чтобы успеть что-то разглядеть. Увядающая королева красоты, тонкий и гибкий, как тростинка, паренек, и девочка с косичками. И тут коп

открыл дверь.

Не успела она открыться, как все вскочили на ноги. Я видел, как они взволнованы. По крайней мере, в этом я был не одинок. На миг все смолкли и замерли, просто смотрели во все глаза. Я не поднимал голову, прятал лицо под козырьком бейсболки. Ждал, когда кто-то разоблачит меня и поднимет крик.

Миа подала голос первой.

– Дэнни!

Она подбежала ко мне, прихрамывая: на одной ноге у нее были какие-то неуклюжие скобы. Обхватила меня ручонками за пояс, я дернулся. Лекс мягко отстранила ее.

– Тихонько, детка, – сказала она. – Пусть Дэнни сначала немного привыкнет, ладно?

Девочка кивнула. В отличие от остальных, ее лицо сияло чистой радостью. Странно. Она ведь даже не знала Дэнни и не могла по-настоящему скучать по нему.

Я перевел взгляд на Николаса и стал разглядывать его из-под козырька бейсболки. Он тоже мерил меня взглядом с головы до ног и даже не пытался это скрыть. Николас – вот первое настоящее испытание.

– Посмотри, кто с нами, Николас, – сказал Патрик.

Медленная, неуверенная улыбка появилась на губах парня.

– Дэнни? – проговорил он. Ему хотелось в это верить.

Я кивнул.

– Привет.

Инстинкт подсказывал, что надо назвать его «Ники», а обычно у меня лучше всего получалось врать именно на инстинктах. Но я уже раз прокололся, когда назвал Лекс полным именем и только потом заметил, что Патрик ее так никогда не зовет. Лучше уж переосторожничать, чем вызвать новые подозрения, пусть и слабые.

Николас покачал головой, словно возражая какому-то внутреннему голосу, а затем шагнул вперед и обнял меня. Это объятие было каким-то колючим, таким же, как он сам – весь из острых углов и торчащих костей.

Два в мою пользу.

Я отважился бросить быстрый взгляд на Джессику. Вот тут-то все и должно было рухнуть. Ни одна мать – даже та женщина, что родила меня, – не может, глядя в глаза чужаку, поверить, что перед ней родной сын, – в этом я был совершенно уверен. Джессика пристально смотрела на меня, губы у нее были сжаты в две тонкие линии, неровно покрашенные помадой. Я ждал, что она вот-вот разомкнет их и закричит.

– Мама. – Патрик протянул к ней руку. Под румянами было видно, какое серое у нее лицо. – Все хорошо. Это Дэнни.

Она чуть заметно повернулась к двери, словно готова была броситься бежать. От кондиционера руки у меня покрылись гусиной кожей. Я ждал, что она будет делать. Она не сводила с меня глаз, и я вспомнил то, чему меня научил кто-то еще в прежней, давно похороненной жизни: чтобы пума не бросилась на тебя, смотри ей в глаза и не отводи взгляд.

– Мама, – уже тверже сказал Патрик. – Иди же, обними Дэнни.

Джессика неуверенно шагнула ко мне, и я усилием воли удержался, чтобы не отшатнуться. Две слезинки выступили у нее на глазах и скатились по щекам, а она все так же молча смотрела на меня.

– Сынок, – сказала она наконец. Потянулась ко мне, чтобы обнять. Прижала меня к себе – слабо, но прижала, и я расслышал запах сигарет сквозь духи.

Я был ошеломлен. Неужели она и правда поверила, что я Дэниел? Или просто поддалась волнующему моменту и настойчивости Патрика?

– Поехали домой, – сказала Лекс.

* * *

Мы вышли через служебный вход, сели в арендованную машину и поехали к дому Тейтов. Ехать было почти час, вдоль берега – из Международного аэропорта Лос-Анджелеса в Хидден-Хиллз. Из газетной заметки об исчезновении Дэнни я уже знал, что денежки у семьи Тейтов водятся, но к Хидден-Хиллз как-то не был готов. Весь этот закрытый пригород располагался за воротами, и охранник в новенькой необмятой форме сначала поговорил с Джессикой и только потом пропустил машину. Вот что Лекс имела в виду, когда говорила, что здесь мы будем в безопасности: пресса сюда просто не доберется. Сразу за воротами начинались сплошные покатые зеленые холмы и элегантные особняки, купающиеся в солнечных лучах, скрытые от всего мира. Моя куртка лежала, скомканная, у меня в ногах: как только я вышел из аэропорта в восхитительное двадцатичетырехградусное тепло, стало ясно, что куртка здесь ни к чему. Можно было выбросить эту рвань, но как знать, не отправят ли меня обратно в Канаду, как только адреналин поуляжется и они догадаются, что я самозванец.

Мы проехали вглубь пригорода – там дома стояли подальше друг от друга и от дороги. На вершине холма, куда вел извилистый подъем, автомобиль подкатил к раздвижным кованым воротам, и водитель ввел код, чтобы их открыть. Мы выехали на лужайку, окруженную цветущими деревьями – солнечный свет мягко струился на нее сквозь зеленую листву и бело-фиолетовые цветы. Затем среди крон открылся просвет, и я увидел перед собой светло-желтый каменный особняк с бесконечными рядами окон, стоявший на склоне холма, а вдали на горизонте виднелись красные горы.

Я никак не мог проглотить комок: так вдруг сдавило горло. Что же я наделал, черт возьми? Сам того не желая, ввязался в самую крупную аферу в своей жизни.

– Дом, милый дом, – сказал Патрик, как только машина остановилась на круговой подъездной дорожке с фонтаном в центре. – Узнаешь?

– Немножко, – сказал я.

Водитель выгрузил наши вещи и уехал. Мы пошли к дому, и я чувствовал, как на меня все смотрят. Я не знал, чего они от меня ждут, и не знал, как себя вести. Единственное, что мне оставалось – сосредоточиться и продолжать игру. Не слишком выдавать испуг. Не слишком выдавать растерянность.

Патрик открыл дверь и сделал приглашающий жест:

– Добро пожаловать домой, Дэнни.

– Спасибо, – выдохнул я. Может быть, мне просто показалось, но по глубокой, как пещера, прихожей прокатилось эхо – мой голос гулко отскочил от мрамора, хрусталя и стекла.

Мы все стояли в дверях. Тейты молча смотрели на меня.

Наконец Лекс заговорила:

– Ты, наверное, устал, да, Дэнни? Хочешь немножко отдохнуть?

– Да, – сказал я. – Было бы неплохо.

Никто не шевельнулся. Только через секунду я с ужасом догадался, почему. Они ждали, что я пойду в свою комнату. В комнату Дэнни. Если я поверну не туда, это может меня выдать, но если так и буду стоять здесь, как идиот, то...

Лекс выдвинула ручку своего чемодана на колесиках.

– Идем, – сказала она. – Мне тоже нужно вещи в комнату закинуть.

Опять Лекс меня выручила. Пусть умом она и не блещет, зато всегда готова прийти на помощь.

Я двинулся за ней по петляющей лестнице. С площадки она свернула направо. С одной стороны коридор был весь в огромных окнах – в них было видно

бархатную лужайку внизу и горы вдалеке. По пути я считал двери. Лекс остановилась перед четвертой.

– Ну вот, – сказала она. – Приходи вниз, когда будешь готов, хорошо?

Она пошла назад, а я медленно открыл дверь в комнату Дэнни.

Как и все остальное, что я успел повидать в этом доме, комната выглядела девственно чистой. Как в музее. От этой чистоты мне и страшно было до чего-то дотронуться, и в то же время подмывало разнести тут все вдребезги. Было очевидно, что никто, кроме горничной – а у Тейтов наверняка была горничная, – сюда давным-давно не заходил. Все казалось каким-то выцветшим и затхлым, будто осколок какого-то уже не существующего мира. Видимо, дизайнер именно так представлял себе комнату мечты для мальчика: синие стены, старые бейсбольные постеры в рамках, со вкусом подобранная мебель. На доске над маленьким письменным столом висели фотографии: рыбалка, пляж, реклама отбора в Малую лигу, корешки билетов на спортивные матчи. Я смотрел на все это, и внутри у меня что-то начало надламываться. Я выдвинул средний ящик комода и увидел там детскую одежду, слежавшуюся за годы так, что складки на ткани было уже не разгладить.

Это была не спальня. Это была гробница. Мавзолей для тела, которое так и не нашли.

Я выскочил в коридор и стал распахивать все двери, пока не нашел ванную. Заперся там и уставился на себя в зеркало. Что я здесь делаю? Какого хрена, спрашивается, я здесь делаю?

* * *

Может быть, вы мне не поверите, но я честно не собирался присваивать жизнь Дэниела Тейта. Он должен был только помочь мне выиграть время, дать передышку, чтобы подготовить побег из приемника № 8. Я и представить себе не мог, как быстро все закрутится, когда стану им.

Я выбрал Дэниела, потому что он первым подвернулся под руку из всех пропавших мальчиков подходящего возраста и внешности. Должно быть, это

был самый неудачный выбор, какой я только мог сделать, потому что, как я скоро понял, семья Тейтов оказалась слишком непростой. Я-то рассчитывал на много дней, а то и недель бюрократической волокиты, на то, что за это время как-нибудь подвернется случай сбежать, и тут сверху ястребом падает Патрик Макконнелл. Они с Лекс сели в самолет на следующее же утро. Смазали шестеренки в американском посольстве, пустили в ход деньги и связи, чтобы мне сделали паспорт за считанные часы, после одной лишь беглой проверки моих слов. Даже Алисия высказалась по этому поводу.

– Никогда не видела, чтобы такие дела делались так быстро, – сказала она, когда мы ехали в приемник временного содержания № 8, где мне предстояло провести последнюю ночь. – Следователь Барсон сказал – с американской стороны было большое давление, чтобы уладить это дело поскорее. Повезло тебе, что твои родные такие влиятельные и так тебя любят.

Не то слово. Мистер Везунчик.

События развивались слишком быстро, а притормозить я уже не мог: это означало бы выдать себя как мошенника. Я был вынужден подыгрывать. И вот я в Калифорнии, в семье, которая почему-то купилась на мою лажу, и когда они меня раскроют, мне хана. Я не знал толком, какой именно закон нарушил, но то самое влияние, которое употребили Тейты, чтобы вытащить меня из Канады, наверняка всей своей тяжестью обрушится на мошенника, выдавшего себя за их пропавшего сына.

Я поглаживал пальцами фальшивую родинку на руке, размышляя о том, что же делать дальше. Эта штука и была-то у меня всего пару дней, а нервная привычка уже успела закрепиться. Родинка упоминалась в объявлении о пропаже Дэниела Тейта, поэтому в ночь перед приездом Патрика и Лекс в Ванкувер я сделал себе такую же. На мысль меня натолкнула любительская татуировка Такера. Я стянул коричневый маркер и английскую булавку из ящика с принадлежностями для рукоделия в комнате отдыха и целый час проторчал в туалетной кабинке, втирая чернила в кожу, а потом почти всю ночь прижимал к руке лед, тоже стянутый из настенной аптечки в кухне, чтобы сошла краснота и припухлость. Получилось на удивление натурально, если не слишком приглядываться, а никто пока что и не приглядывался, даже Патрик.

Мне ни за что не выдержать эту роль до конца.

Выход быть только один: сделать то, что и намеревался делать с самого начала. Бежать. Пока эмоциональное потрясение у Тейтов не схлынуло, и они не догадались, что я самозванец. Правда, теперь я в чужой стране, где все незнакомое, зато хотя бы тепло. Денег у меня при себе ни цента, и искать меня будут, но ничего, бывало хуже.

Я вернулся в комнату Дэниела и стал рыться в своем рюкзаке. Достал бейсбольную карточку, которую хранил в потайном отделении, и сунул в карман. Больше ничего стоящего в рюкзаке все равно не было, так что, можно считать, собрался.

При первой же возможности сбегу.

* * *

Я подумывал, не уйти ли прямо сейчас, но быстро отменил эту идею. Я в огромном закрытом пригороде за воротами – можно сказать, в шикарной тюрьме. До ближайшего выхода пара километров, и Тейты наверняка заметят, что я исчез, раньше, чем я до этого выхода доберусь. До сих пор я изображал Дэниела достаточно убедительно – продержусь еще несколько часов, а может быть, и дней. На миг мне захотелось просто запереться в комнате до тех пор, пока не настанет подходящее время для побега, но это выглядело бы слишком подозрительно. Поэтому я глубоко вздохнул и пошел искать остальных. Спустился в прихожую и дальше уже шел на голоса, доносившиеся из глубины дома. Подойдя совсем близко, по привычке остановился и заглянул в комнату из-за угла, украдкой, чтобы выяснить сначала, что там происходит. Мельком разглядел силуэт Патрика, стоявшего у кухонного стола.

– ...Иметь терпение, – говорил он. – Он не тот, каким ты его помнишь. Он уже другой человек, и в памяти у него многое не сохранилось. Он даже нас почти не помнит. Доктор сказал не вынуждать его вспоминать или рассказывать о том, что случилось, пока он сам не созреет. С ним нужно вести себя как обычно, хорошо?

– А почему он нас не помнит? – слышался голосок Миа.

– Это трудно объяснить, детка, – сказала Лекс. – Пока его не было, с ним случилось много плохого, и теперь его мозг... ну... защищает его, что ли. Скрывает от него воспоминания.

– А что случилось с Дэнни? – спросила Миа.

Послышался скрип стула, и Патрик сказал:

– Мама, подожди...

– Я не буду это слушать...

Джессика стремительно свернула за угол. Налетела на меня и отшатнулась. На лице у нее был ужас.

Она знает. Я вдруг четко это понял.

Но она не закричала и не стала набрасываться на меня с обвинениями.

– Прости, – сказала она. – Я... Прости.

Она побежала вверх, Патрик – за ней, а Лекс – за Патриком.

– Мама! – кричал Патрик ей вслед. – Мама!

– Я сама, – сказала Лекс и убежала по лестнице за Джессикой, прыгая через ступеньку.

Патрик повернулся ко мне, и, когда он увидел мое лицо, недовольное выражение сменилось озабоченным. Должно быть, по мне было видно, что я готов броситься наутек.

– Эй, все хорошо?

Где-то наверху хлопнула дверь. В кухне зазвонил телефон.

– Я... – Загони панику поглубже. Играй свою роль. – Она не рада, что я вернулся, – проговорил я. Кажется, я подпустил достаточно жалобную нотку в голосе, чтобы он растрогался и в порыве чувств не заметил, что я не его брат.

– Нет-нет, – проговорил он с совершенно убитым видом – на такой эффект я даже не рассчитывал. – Дело не в этом, Дэнни. Просто... – Телефон все звонил. Патрик бросил взгляд за спину, на кухню – Николас и Миа все еще сидели там. – Николас, ты не мог бы взять трубку, пожалуйста?

Он положил мне руку на плечо и повел по коридору в гостиную. Там опустился на диван, выглядевший так, как будто на нем уже много лет никто не сидел, и я сел рядом с ним.

– Послушай, тебе нужно кое-что знать о маме. Она уже не та, какой ты ее помнишь. Это началось после самоубийства моего отца, но ты еще маленький тогда был, вряд ли запомнил.

Я постарался скрыть удивление. Я и не знал, что отец Лекс и Патрика покончил с собой. Вообще не знал, что он умер.

– Они уже несколько лет были в разводе, но все равно близко общались, поэтому для нее это был тяжелый удар, – продолжал Патрик. – Потом, не прошло и года, как ты пропал, и она совсем расклеилась. Несколько месяцев почти не вставала с постели. Наконец обратилась в реабилитационную клинику, и какое-то время дела шли получше, но потом твой отец попал в тюрьму, они развелись, и опять все стало плохо.

Я кивал и мысленно записывал все детали. Патрик избавил меня от долгих поисков информации.

– Я не хочу тебя расстраивать всеми этими рассказами, – продолжал он, – но нужно, чтобы ты понял, почему она так реагирует. Она очень тяжело переносит любые перемены, даже хорошие. А теперь, когда ты вернулся, она не знает, как быть со всем пережитым горем и виной. Для нее это непосильно.

Тем хуже для Джессики, но тем лучше для меня. Может быть, она меня и не подозревает вовсе, а если и подозревает, ее психическая неустойчивость мне на руку. Похоже, по-настоящему главные в этой семье – Патрик и Лекс, а они оба

мне верят.

– Она придет в себя, – сказал Патрик. – Ей просто нужно немного времени и покоя. Просто не надо ее трогать, пока все это не уложится у нее в голове. Понял?

– Понял, – сказал я. Меня это более чем устраивало.

Кто-то кашлянул. Мы с Патриком обернулись и увидели в дверях Николаса. Никто из нас не видел, как он подошел.

– Кто звонил? – спросил Патрик.

Николас быстро перевел взгляд на меня, а затем снова на Патрика. Вместо ответа он сам спросил:

– Мама наверху?

Патрик кивнул.

– Лекс с ней разговаривает.

Николас хмыкнул:

– Супер. Так она никогда не выйдет.

Патрик строго посмотрел на него.

– Я разберусь, – сказал он и двинулся к лестнице. Оглянулся через плечо и добавил: – Миа, кстати, голодная, как волк, а в доме ничего нет.

* * *

Николас сменил Лекс, и она занялась ужином: сделала заказ в местном ресторане, и через час оттуда привезли немыслимое количество еды. Патрик

скорчил ей недовольную мину, протягивая доставщику пару хрустящих сотенных из своего бумажника, но Лекс только плечами пожала.

– Мы же не знаем, что любит Дэнни, – сказала она.

Николас уговаривал Джессику через дверь минут двадцать, но она так и не вышла из комнаты, что было немного тревожно. Я-то думал, что любой матери хотелось бы поужинать с сыном, которого она не видела шесть лет, но, видимо, Патрик был прав – для нее это чересчур. Или она подозревает, что я не ее сын.

Ничего, пусть поверит еще только пару часов, а дальше уже неважно, все равно меня тут не будет.

Все остальные уселись за элегантный резной обеденный стол, стоивший, вероятно, больше, чем дом, где я вырос, и стали есть из пластиковых контейнеров филигранными серебряными приборами. Редко когда мне приходилось есть в такой неловкой обстановке, а при моем опыте это о чем-то говорит. На одну только Миа натянутая атмосфера в комнате никак не действовала. Она весело болтала, рассказывала мне о своей учительнице, о своей лучшей подруге, об уроках верховой езды, о щенке, которого страстно мечтала завести. Ей хотелось за время ужина успеть рассказать Дэнни обо всем, что происходило в их жизни без него.

– Я хотела бросить верховую езду, потому что мою подругу Дейзи лошадь сбросила, и она сломала руку, но мама сказала, если я буду ходить на занятия, то, когда мне будет двенадцать лет, у меня будет своя лошадка, потому что ей как раз столько было, когда дедушка купил ей лошадь...

– Бабушка с дедушкой сейчас в Европе, – сказала Лекс, – иначе они пришли бы повидаться с тобой.

– Ничего, – сказал я. Чем меньше родственников, тем лучше.

– Придется немного подождать, пока тебя внесут в список посетителей, которым разрешают свидания с твоим папой, – добавил Патрик, – но он уже знает, что ты дома, так что наверняка скоро позвонит.

Когда Миа наконец выговори́лась, за столом воцари́лось молча́ние. Я прямо видел, как Патрик, Лекс и Николас стара́ются придумать тему́ для разгово́ра, не каса́ющуюся того́, чего́ я не помню́, или того́, что со мной случи́лось.

– Как тебе сибас? – спросила наконец Лекс. Она уже задавала мне десятки вопросов о еде: что я люблю, не передать ли мне соль, не хочу ли я еще чего-нибудь. Еда – самая безопасная тема для разгово́ра.

Я посмотре́л в свой контейне́р. Даже не знал, что эта штука, оказы́вается, сибас.

– Вкусно, – сказа́л я.

– Хорошо, – сказа́ла она и сла́бо улы́бнула́сь мне.

Я взгля́нул на большо́е часы́ на стене. Скоро уже можно́ будет сослаться на устало́сть и идти́ спать. Зазвони́л телефо́н, Патрик вскочи́л и вы́шел в друго́ую комна́ту, чтобы́ взять тру́бку. Верну́лся почти́ сразу́ же.

– Кто звони́л? – спроси́ла Миа.

– Никто́, – отве́тил Патрик однове́ременно с вопро́сом Лекс:

– Кто хо́чет десер́т?

После ужи́на Патрик объя́вил, что тепе́рь поедет к себе́ домо́й, в Лос-А́нжелес. Он уже пропу́стил пару́ дней на рабо́те, так что за́втра нужно́ вста́вать рано́ и сразу́ за де́ла. Он объ́нял Лекс и Миа, а за́тем поверну́лся ко мне. Потяну́лся, чтобы́ объ́ять, остано́вился, за́тем рассме́ялся сам над собо́й и снова́ протяну́л ру́ки. Объ́ятие было́ коротки́м и неловки́м.

– Мы так рады́, что ты домо́а, Дэнни, – сказа́л он.

– Я тоже́, – сказа́л я, остро́ чувству́я, что на нас смотре́ют во все глаза́.

Патрик выпу́стил меня́ из объ́ятий.

– Завтра вечером приеду. Нам нужно о многом поговорить.

– Конечно, – сказал я. Торчать тут до завтрашнего вечера я не собирался.

– Я тебя провожу, – сказала Лекс брату. Выходя с ним из комнаты, бросила через плечо:

– Ники, Миа?

Они покивали и немедленно принялись убирать со стола: пластиковые контейнеры и бумажные салфетки – в мусор, столовые приборы в посудомойку. Меня, видимо, как жертву похищения, освободили от этой обязанности, и мне оставалось только стоять столбом, не зная, куда себя девать. Я постоял немного перед одним из огромных окон от пола до потолка, делая вид, что любуюсь лужайкой в сумерках и горами вдали. Затем решил найти Лекс и сказать ей, что я иду спать.

Я пошел по полутемному коридору к прихожей. Лекс с Патриком стояли в дверях, их профили были подсвечены иллюминацией фонтана за окном. Они тихо разговаривали. Я остановился в тени и стал смотреть на них. Слов я не слышал, но по тому, как они смотрели друг на друга, можно было понять, что разговор серьезный. Лекс покачала головой, и по ее крепко сжатым губам я понял, что она опять плачет. Патрик положил руки ей на плечи и что-то сказал, она глубоко вздохнула и кивнула. Они обменялись еще несколькими словами, и Лекс повернулась, чтобы уйти, но Патрик схватил ее за руку и снова притянул к себе. Наклонил голову набок, спрашивая о чем-то. Она долго смотрела на него, потом снова кивнула и мягко высвободила руку из его пальцев. Он поцеловал ее в щеку и ушел, а она закрыла за ним дверь и еще долго стояла, прислонившись к ней всем телом.

В воздухе ощущалось напряжение и неловкость, и я потихоньку ушел, ничего ей не сказав.

* * *

Я вернулся в нетронутую комнату Дэнни и заперся там. Я не знал, что делать. Нужно было чем-то заняться до того времени, когда можно будет смыться, но,

честно говоря, глаза уже слипались. Прошлую ночь я почти не спал, а эта игра в Дэнни совсем меня вымотала. Усталость одолела такая, что даже кости ломило. Я заметил на тумбочке будильник и взял его в руки. Можно поспать несколько часов, а потом уж смываться, сказал я себе. Так, пожалуй, даже лучше будет. От усталости легко наделать ошибок. Я завел будильник на три часа и убавил громкость, насколько возможно. Не хотел рисковать разбудить кого-нибудь еще, а сам я сплю чутко.

Ничего своего для сна у меня не было, а жуткие, мумифицированные вещи Дэнни я бы не надел, даже если бы они были мне по размеру. Я уже решил просто скинуть джинсы и рубашку и спать в одних трусах, и тут в дверь постучали. Я открыл и увидел в коридоре Николаса.

– Я подумал, тебе понадобится, – сказал он, протягивая мне футболку и спортивные штаны. – Вряд ли ты сейчас влезешь в то, что лежит у тебя в комод.

Я взял одежду.

– Спасибо.

Николас все смотрел на меня. В первый раз за все время мы смотрели друг другу в глаза дольше пары секунд, и, если не считать объятий в аэропорту, в первый раз стояли так близко. Между бровей у него появилась тонкая морщинка.

– Не за что, – сказал он. – Э-э-э... может, тебе еще что-нибудь нужно? Лекс наверняка может...

– Кто там говорит обо мне? – весело спросила Лекс, появляясь в коридоре за спиной Николаса. Она казалась совсем другим человеком – не той хрупкой девушкой, что после ухода Патрика стояла, прислонясь к двери, как будто ее ноги не держали. Она расслабленно улыбалась, глаза были теплые и сонные. Я бы решил, что она слегка под градусом, если бы не знал наверняка, что за ужином она выпила только один бокал вина.

– Ага, ты принес ему одежду, вот молодец, – сказала она. – Дэнни, я тут подумала – давай завтра поедem в магазин и купим тебе все необходимое. Идет? А пока вот тебе запасная зубная щетка и паста. – Она сунула все это мне в руку. – Что-нибудь еще тебе сегодня понадобится?

Вот если бы другую комнату, не такую жуткую – наверняка же в таком огромном доме найдется хоть парочка комнат для гостей. Но об этом лучше не заикаться. Да ладно, недолго осталось.

– Нет, у меня все есть.

– Ну хорошо. Если что, моя комната – пятая от лестницы, – сказала она. Николас когда-то успел исчезнуть, и мы были только вдвоем. – Не переживай, если разбудишь, ладно? Я не против.

Я кивнул.

– Спасибо, Лекс.

– Пожалуйста. – Она посмотрела на меня, улыбнулась, и тут... что-то стало по-другому. Не знаю, как это поточнее описать. Словно мы теперь как-то иначе смотрели друг другу в глаза. Как будто теперь она не просто смотрела на меня, а видела. Дыхание у меня перехватило так, что стало больно в груди.

Она потянулась ко мне, обняла, и на этот раз руки у нее были крепкие, не то что в прошлый раз – слабые и дрожащие.

– Я скучала по тебе, Дэнни, – тихо сказала она, и ее слова тепло защекотали мне шею. – Я так рада, что все страшное для тебя позади.

* * *

Я лежал в постели и не мог заснуть. Слишком уж свежие простыни, слишком уж тихо в доме. Я таращился в потолок, где еще можно было разглядеть силуэты пластиковых звезд-наклеек, хотя они давным-давно уже не светились.

Я никак не мог отделаться от мыслей. Во-первых, я решил остаться здесь на ночь. Говорил себе, что так будет разумнее – сбежать завтра ночью, после того как Лекс купит мне одежду и другие вещи. На самом же деле, как я, наверное, уже тогда понимал, дело было в другом. Я почувствовал... что-то, когда она обняла меня и сказала, что рада мне. Что все страшное позади. Я ей поверил, и

мне не хотелось так быстро с этим расставаться.

Да и разве плохо было бы остаться здесь? Насовсем? Тейты купились на мою историю, и в каком-то смысле я для них подарок. Дэнни уже давно нет, скорее всего, он мертв и наверняка уже не вернется. Мое появление сделало их счастливыми. А сам я нечаянно втянулся в крупнейшую в своей жизни аферу. Самую рискованную из всех делишек, какие я до сих пор проворачивал, но зато и самую выгодную. Если я сумею стать Дэниелом Тейтом, здесь у меня будет настоящая жизнь, такая, о какой мальчишка из Саскачевана никогда и мечтать не мог. Неужели я и правда готов вот так просто отказаться от этого? Разве не глупо – снова жить на улице и в приютах, когда вот она, замечательная постель, и замечательный дом, и замечательная любящая семья?

Наконец мне стало уже невмоготу так лежать, проигрывать в голове разные сценарии и сочинять одну ложь за другой. Время позднее, все, должно быть, уже спят. Я встал с кровати. Если я завтра не уйду, значит, неплохо бы осмотреть особняк. У Тейтов будет меньше подозрений, если я буду ориентироваться здесь как дома.

Я вышел босиком в коридор и приступил к делу. В самой дальней комнате был кабинет – вдоль стен встроенные стеллажи, а в глаза бросался прежде всего массивный письменный стол. Дальше – ванная, где я прятался, потом бельевого шкафа, потом комната Дэнни. Комната Николаса, как я уже знал, была рядом с моей. Я с удивлением увидел, что из-под двери пробивается полоска света, и прокрался мимо с удвоенной осторожностью. Комната Миа была рядом, возле нее в розетке торчал ночник. Еще одна, последняя комната с этой стороны от лестницы – гостевая, а раньше, наверное, там жила няня. Джессика, как мне показалось, сама не из тех, кто будет вскакивать среди ночи менять памперсы.

Я добрался до лестницы и поднялся на третий этаж, но там была только одна запертая на ключ двойная дверь. Должно быть, когда-то весь этаж занимала главная спальня. Я снова спустился на второй этаж и повернул налево, чтобы обследовать второе крыло. Там обнаружили две гостевых комнаты, еще одна ванная, спальня – бывшая комната Патрика, судя по постерам рок-групп на стене, а за ней – комната Лекс. Там горел свет. Похоже, в эту ночь никому не спится.

Еще минут двадцать я осматривал первый этаж и подвал, обошел все комнаты, пока не освоился с расположением. Проверил панель сигнализации на входной

двери – отключена – и отважился выбраться через застекленную дверь во внутренний дворик. Над ним нависала деревянная решетка, увитая плющом и какими-то белыми цветами, а дальше был бассейн, светившийся в темноте, словно бледно-зеленая луна. Я потрогал воду ступней. Вода была приятная, чуть теплая – в самый раз для прохладной ночи. Должно быть, бассейн с подогревом.

Я оглянулся на дом. Там было темно: должно быть, Николас и Лекс наконец заснули. Да гори все огнем, подумал я. Может, мне всего-то одну ночь и быть богатым, так надо хоть пользоваться этим, пока есть возможность. Я разделся до трусов и скользнул в бассейн, с той стороны, где было помельче: пловец из меня не очень. Под водой все звуки сразу смолкли. Я оттолкнулся ногами, сжался в пружину, распрямился и, смеясь, выскочил на поверхность. Потом я лежал, невесомый, на воде и глядел вверх, в звездное небо.

Наконец я вернулся в комнату Дэнни и сразу же заснул.

* * *

Где-то среди ночи я проснулся. Открыл глаза и заморгал: в дверях стояла какая-то темная фигура. Сначала глаза различали только силуэт на фоне слабо освещенного коридора. Не сразу сообразив, где нахожусь, я подумал сначала, что это Джейсон возвращается после ночного налета на кладовую приемника № 8. Но тут же вспомнил.

– Николас? – пробормотал я.

Он молча развернулся и вышел, закрыв за собой дверь, и холодок, пробежавший у меня по спине, нельзя было списать на калифорнийскую привычку запускать на бешеную мощность кондиционеры.

* * *

Проснувшись утром, я уже не мог сказать с уверенностью, было это на самом деле или нет. Воспоминание было похоже на сон: по краям рябь, внутри пустота.

А вот что было совершенно реальным, так это просевшая у меня под боком под чьей-то тяжестью кровать. Я отпрянул назад и откинул одеяло. Под ним свернулась в клубочек Миа, державшая во рту кончик большого пальца. Я вздохнул пару раз поглубже, чтобы сердце так не колотилось, и легонько толкнул ее локтем:

– Эй!

Хорошо еще, что я ее не ударил, когда она лезла ко мне в постель. Должно быть, так устал, что даже не проснулся.

Миа проснулась, нахмурила брови и заморгала.

– Доброе утро, – сонно проговорила она.

– Давно ты здесь? – спросил я. Она пожала плечами и села. – И почему ты здесь?

– Я и раньше иногда сюда приходила спать, – ответила она, – когда тебя не было. Лекс застала меня один раз и ужасно рассердилась. Ты ей не говори, ладно? Она хотела, чтобы я легла с ней, но она брыкается во сне.

Я сглотнул.

– А почему она хотела, чтобы ты спала с ней?

– Сказала, что я могу разбудить тебя нечаянно, если встану ночью, – сказала она. – Я иногда просыпаюсь по ночам. Раньше Магда меня укладывала, и я снова засыпала, но она несколько дней назад уехала домой, в Украину.

– Магда – это твоя няня? – спросил я.

Она кивнула.

– Лекс сказала, что разрешит мне спать у себя в комнате, только если я закрою дверь на ключ и не буду открывать, чтобы никого не разбудить. Не хочу, чтобы она знала, что я нарушила обещание.

– Я ей не скажу, – пообещал я. Уж не опасалась ли Лекс, как бы ее проблемный, потенциально опасный младший брат не сделал что-нибудь с Миа? Мысль сама по себе резонная, но она как-то не вязалась с тем, как Лекс обращалась со мной до сих пор.

– Спасибо, Дэнни, – сказала Миа. – Ты хорошо спал?

– Да как-то... не очень, – сказал я. Я не очень-то умел разговаривать с такими маленькими детьми. Она была для меня каким-то инопланетным существом.

– В новой кровати всегда непривычно, – сказала она. – Поэтому, когда мы едем путешествовать, я всегда беру с собой свою подушку, чтобы не вся кровать была новая.

Я улыбнулся.

– Ловко придумано.

– Ну, завтра эта кровать будет для тебя уже не новой, – сказала она, – тогда, наверное, и спать будешь лучше.

Она неловко сползла с кровати. Я снова подумал – что это все-таки за скобы у нее на ноге? Они врезались какими-то шипами прямо в кожу. Что это – травма или какое-нибудь врожденное увечье? Если Дэнни знал, что у нее с ногой, спрашивать нельзя – подозрительно, а если не знал, то подозрительно будет как раз не спросить.

– Пойду-ка я к себе, пока Лекс не проснулась, – сказала Миа, а затем наклонилась ко мне, обхватила тонкими ручонками за шею и так стиснула в объятиях, что я чуть не задохнулся.

– Я очень скучала по тебе, Дэнни, – сказала она. И это звучало искренне, хотя она, конечно, не могла даже помнить брата, который пропал, когда она была еще почти младенцем.

Я неловко похлопал ее по спине.

– Я тоже по тебе скучал.

* * *

Миа вернулась к себе в комнату, а я почистил зубы, переоделся в свою единственную чистую одежду и спустился вниз. Николас был на кухне. Его мокрые волосы казались почти черными, с них текло на воротник рубашки. Он разливал по стаканам апельсиновый сок, а на столе в уголке для завтрака уже стояло блюдо с тостами.

– Доброе утро, – сказал он, когда я вошел.

Я постарался улыбнуться: решил, что так нужно.

– Доброе утро.

– Как спалось? – спросил он.

Я пристально посмотрел на него. Вопрос прозвучал совершенно невинно, пожалуй, даже слишком – как будто он ждал, что я спрошу, какого хрена, когда я проснулся ночью, он стоял над моей кроватью, как какое-то жуткое видение.

Но, может быть, это была просто паранойя.

– Хорошо, – ответил я.

– Отлично, – отозвался он и снова принялся резать фрукты. – Садись. Завтрак почти готов.

Не успел я сесть за стол, как прискакала Миа и уселась напротив. Я потягивал свой апельсиновый сок, а она намазывала на тост малиновое варенье. На кухонном столе рядом с Николасом лежала трубка беспроводного телефона. Когда он зазвонил, Николас нажал кнопку, и телефон умолк.

– Ну что, Мими, какие планы на сегодня? – спросил он.

– Не знаю. Я собиралась к Элеоноре, – сказала Миа, – но меня же Магда должна была отвезти.

– Я сам тебя отвезу, – сказал Николас. – А что вы там будете делать?

– Репетировать спектакль, – ответила она с полным ртом.

– У вас готовится спектакль? – переспросил я, думая о том, с чего это Магде пришлось так срочно уехать.

Миа кивнула и слизнула с пальца капельку варенья.

– Мы уже давно репетируем. Это пьеса про русалочку-волшебницу. Я играю русалочку, потому что хочу стать актрисой.

– Играть на сцене – это здорово, – сказал я. – Это надо уметь – изображать другого человека.

– Да, и у меня очень даже хорошо получается. А Элеонора заведует костюмами.

– А она что, модельером хочет стать? – спросил я. Оказывается, с этой девочкой не так уж трудно разговаривать.

– Не то чтобы хочет, – ответила она. – Просто актриса из нее не очень, а что-то же делать надо.

Я рассмеялся, но тут же умолк, когда к нам подошел Николас, держа в руках сразу несколько тарелок. Поставил перед Миа рогалик с изюмом, сливочным сыром и медом, а передо мной – чашку хлопьев с только что нарезанной клубникой.

– Я решил сегодня каждому приготовить на завтрак самое любимое, – сказал он с улыбкой, – в честь возвращения Дэнни.

– Спасибо, Ники! – сказала Миа, отодвинула тост и взялась за рогалик. – А маме?

Николас с тарелкой омлета уселся рядом с сестрой, и взял ее недоеденную половинку тоста с вареньем.

– Она, наверное, еще не скоро спустится. Ешь давай, пока не остыло.

Что-то в нем неуловимо изменилось. Я нахмурился, пытаюсь сообразить, что происходит, и он это заметил.

– Что-то не так? – спросил он.

Я покачал головой. В дверь за его спиной, потирая голову, вошла Лекс и направилась напрямик к кофеварке.

– Доброе утро, ребята, – пробормотала она.

– Доброе утро, – отозвались мы все.

Я поднес ко рту ложку с хлопьями, и тут вдруг Лекс бросилась ко мне из другого конца кухни и выбила ее из моей руки.

– Дэнни! – рявкнула она. – Не вздумай! Кто дал ему клубнику?

– Я, – ответил Николас.

– У него же аллергия! О чем ты думал?

Николас уставился широко открытыми глазами на нее, потом на меня.

– Прости, Дэнни. Я совсем забыл.

Напряжение повисло в воздухе. Николас смотрел на меня, я на него, а боковым зрением видел, как Лекс сжала кулаки.

Потом она перевела дыхание, и вся комната как будто выдохнула вместе с ней.

– Ну, ничего страшного не случилось, – сказала она. – Я тебе что-нибудь другое приготовлю, Дэнни. Чего бы ты хотел?

Она забрала чашку с хлопьями, вылила в раковину, а я все смотрел на Николаса, и он, так же молча, на меня. Подозревает?

– Ты что, тоже забыл?

Я медленно кивнул и начал выдавливать из глаз слезу. Я всегда умел плакать по заказу, когда захочу. Полезная штука.

– Наверное... – проговорил я. – Я уже так давно не пробовал свежих ягод, что...

Каменное лицо Николаса дрогнуло.

– Ох, милый ты мой... – проговорила Лекс.

– Извините. – Я поднялся из-за стола. – Извините, мне надо...

Я выскочил из кухни. За спиной слышно было, как Лекс отчитывает Николаса и как он просит прощения. Я улыбнулся.

* * *

Я проторчал в комнате Дэнни минут десять, а потом кто-то тихонько забарабанил в дверь – значит, Лекс пришла меня искать.

Я сжался в комочек на кровати, стараясь, чтобы это выглядело пожалобнее.

– Входи.

– Эй, – тихо проговорила она, лишь чуть-чуть приоткрыв дверь. – Все хорошо?

– Вроде бы, – отозвался я. Сел, потер глаза. – Извини. Извини, что я так распахивался. Я просто хочу быть как все, понимаешь? А у меня ничего не

получается, и иногда это так бесит...

– Ну-ну. – Она села рядом и положила мне руку на плечо. – Ты ничего плохого не сделал.

– Расстроил всех.

Лекс погладила меня по плечу.

– Да нет, не расстроил. Мы просто... притираемся пока друг к другу. На это уйдет какое-то время, и без осечек не обойдется. Но ты никогда себя в этом не вини, понял?

Я сглотнул комок и кивнул.

– Ты же знаешь, что можешь всегда поговорить со мной о чем угодно, да? – спросила она. – Не хочу давить, но я всегда рядом.

– Я знаю, – ответил я.

Она улыбнулась и легонько ткнула меня в ногу.

– И не обращай внимания на Николаса, ладно? Я его конечно, люблю до ужаса, но иногда он просто идиот.

Я чуть заметно улыбнулся.

– Ага, вот теперь узнаю своего братишку! – Она взлохматила мне волосы. – Ну что, может, проедемся по магазинам? Будет весело.

Мы сели в машину Лекс и отправились в город, покупать мне все необходимое. Оказалось, что наши с Лекс понятия о «необходимом» сильно отличаются. Несколько часов мы ходили из одного магазина в другой, скупая одежду, туалетные принадлежности, обувь, мобильный телефон, ноутбук, – и за все платила блестящая платиновая кредитка, которую Лекс извлекала из бумажника. Если мне что-то нравилось, она покупала в двух экземплярах, даже не глядя на ценники. Удивляться было нечему – после их дома и роскошного

BMW Лекс, – и все же в этом было что-то почти сказочное: взмахнула кусочком пластика – и вот тебе все, чего душа пожелает.

– В понедельник поедem в банк и заведем тебе собственную карту, – сказала она, когда мы уселись за поздний обед. – У нас у всех есть карты, привязанные к семейному счету. На случай, если срочно понадобятся деньги.

Похоже, «срочно понадобятся» мы тоже понимали по-разному. Для меня это означало, что денег не хватает на автобус, когда позарез нужно смыться из города. А для нее – что она увидела на витрине какую-нибудь блестящую штучку, и ей захотелось ее купить.

Ее определение мне нравилось больше.

– Всегда обожала этот цвет на тебе, – сказала Лекс и провела ладонью по рукаву новенькой голубой рубашки, что была на мне надета. Я поглядел на рубашку. Я всегда понимал, каково жить без денег: когда растешь в бедности, это въедается в тебя до мозга костей. А по этим вещам, которые Лекс совала мне для примерки, по этой рубашке из тонкого хлопка я начинал смутно представлять, какой бывает жизнь, когда деньги есть. Оказывается, легко держаться прямо и уверенно занимать место в пространстве, когда на тебе все чистое, мягкое и дорогое. – От него у тебя глаза делаются почти зелеными.

Ее лицо, когда она мне улыбалась, сияло такой теплотой и лаской, что я почувствовал, как что-то шевельнулось в груди. Это спящее мертвым сном сердце дрогнуло, пытаясь проснуться.

– Я сейчас, – сказал я и вышел в туалет. Что-то я без конца в туалетах прячусь. Я вымыл руки и долго смотрел на себя в зеркало, пока лицо не утратило знакомые очертания и не распалось на отдельные формы и линии. Я поморгал и несколько раз глубоко вздохнул. Формы и линии опять соединились в лицо.

Когда я вернулся за столик, Лекс запивала таблетки бокалом вина, которое заказала к обеду. Заметив меня, она чуть повела плечом.

– Голова болит, – сказала она и сунула пузырек обратно в сумочку. – Ты готов?

Я кивнул. Еще один взмах волшебной карточки – и обед оплачен, и мы вышли из ресторана.

– Ну вот, – сказала Лекс, когда мы снова садились в машину, – кажется, все купили, что нужно? Должна сказать, шопинг мне нравится куда больше лекций.

– А ты должна быть на лекциях? – спросил я.

– Да! Я неудачница, которая к двадцати четырем годам до сих пор не окончила колледж. – Она улыбнулась, но в уголках ее рта таилась горечь. – Я никогда не была примерной студенткой.

– Это, наверное, из-за меня, да? – спросил я и повернул кондиционер, чтобы не дуло прямо на меня.

– Ну что ты, – сказала она. – Только из-за меня самой. Но я уже исправляюсь и в следующем семестре получу диплом. И свое жилье у меня уже есть, в Сенчури-Сити. Конура, зато своя.

– А-а, – сказал я. – А я думал, ты живешь...

Она покачала головой.

– Нет, я только временно переселилась в свою прежнюю комнату. Мы с Патриком решили, что будет лучше для всех, если я побуду там, пока ты не обживешься.

Я вдруг занервничал. Что значит – «пока не обживешься»? Если Лекс уедет, я останусь в этом доме, можно сказать, один на один с Джессикой и Николасом – с теми, с кем я в этой семье чувствовал себя особенно неуверенно.

Если, конечно, решу остаться.

– А это надолго? – спросил я.

Она бросила на меня быстрый взгляд и улыбнулась.

– Не волнуйся, ты от меня еще не скоро избавишься. Мы даже няню Миа отпустили, раз я все равно дома.

Я не сразу, но улыбнулся ей в ответ.

* * *

По пути обратно в Хидден-Хиллз Лекс остановилась у «Старбакса». Заднее сиденье ее машины, в остальном содержавшейся в относительном порядке, было завалено использованными картонными стаканчиками, и, припарковавшись, она сняла еще один пустой стаканчик с подставки и бросила в общую кучу.

Я вошел за ней в кафе и в который уже раз удивленно поежился под струей холодного воздуха, ударившей в меня с порога. Похоже, в Южной Калифорнии зиму делают вручную. Лекс встала в очередь, достала из сумочки телефон и тут же начала набирать сообщение. Я с изумлением смотрел, как быстро мелькают ее большие пальцы. До сих пор у меня никогда не было смартфона, только дрянные «раскладушки» без абонентской платы, и те долго не тянули, потому что я не мог долго платить.

Пока Лекс была занята, я стал разглядывать кафе. Вот где не ощущалось никакой разницы с моей прежней жизнью. «Старбакс» – он и есть «Старбакс», будь ты хоть бездомным в Канаде, хоть богатым тинейджером в Калифорнии. Как ни странно, это несколько успокаивало. Но и раздражало одновременно. Как будто мне хотят напомнить, кто я есть на самом деле.

Я полюбовался на ряд пирожных в витрине у кассы и стал разглядывать посетителей за столиками. Пожилой латиноамериканец с газетой, скорее всего, вдовец, просто зашел убить время. Скучающего вида белая женщина в штанах для йоги и дорогих темных очках – мамаша, вынужденно сидящая дома с ребенком, – разговаривала по телефону, пока ее двухлетка обкусывал маффин. Девушка-азиатка, чуть помладше меня, что-то печатала в ноутбуке, сидя в кожаном кресле у стены и подогнув ноги под себя каким-то ужасно неудобным с виду способом. Я задержался на ней взглядом чуть дольше, чем на других, стараясь вычислить, кто она такая, – я это механически проделываю со всеми подряд, – и, конечно же, она подняла голову и заметила, что я смотрю. Я тут же отвел взгляд.

– Хочешь чего-нибудь, Дэнни? – спросила Лекс.

Я покачал головой. Лекс сделала заказ и протянула кредитку. Я перебирал музыкальные диски у кассы, пока Лекс ждала свой кофе, но невольно мой взгляд снова упал на девушку в кресле.

И снова она подняла глаза и снова заметила. Вот гадство. Я отвернулся. Но, когда мои глаза сами собой повернулись к ней в третий раз, девушка все еще смотрела на меня.

Она скосила глаза к носу.

Я рассмеялся.

Только через секунду до меня дошло, что это за звук. Рот сам собой захлопнулся. Девушка усмехалась.

– Что тут такого смешного? – спросила Лекс, когда бариста протянул ей латте.

– Ничего, – ответил я.

Выходя из кафе, я оглянулся, но девушка уже снова ушла в свой ноутбук.

* * *

В этот вечер Патрик приехал к ужину. Джессики дома не было. Никто, кроме Миа, не выказывал ни беспокойства, ни любопытства по поводу ее отсутствия, и, когда Лекс уговорила Патрика остаться ночевать и все разошлись по спальням, ее все еще не было. Если бы я ожидал, что, став Дэниелом Тейтом, обрету более любящую и заботливую мать, чем та, что вырастила меня, то был бы разочарован, но теперь чувствовал только облегчение. На Лекс-то я мог играть, как на скрипке, а вот Джессика меня беспокоила. Я ее не понимал. Я вообще не очень-то хорошо умею ладить с матерями.

Когда все легли спать, я сидел на полу в комнате Дэнни, разложив перед собой все, что Лекс мне купила утром. Тут было все, что нужно, чтобы с хорошими

шансами попытаться смыться отсюда. Одежда, в том числе и новая куртка, достаточно теплая даже для Ванкувера, несколько пар хорошей обуви на выбор. Ноутбук и смартфон – за них отстегнут толстую пачку наличных в любом ломбарде. Паспорт на имя Дэниела Тейта с моей фотографией. Если поворачиваться пошустрей, чтобы успеть долететь до Канады, пока Тейты меня хватятся и поднимут тревогу, с этим паспортом вполне можно пересечь границу.

У меня было все необходимое для побега.

Но я так и сидел больше часа над этой кучей вещей, а затем поднялся и начал ее разбирать. Одежду повесил в шкаф, ноутбук поставил на стол и включил в розетку, новенькую зубную щетку бросил в стаканчик на раковине в ванной Дэнни. Я остаюсь. Не стоит обманывать себя – я принял решение еще вчера ночью, когда лежал на воде в бассейне и смотрел в небо. Я доведу эту аферу до конца, использую свой шанс на настоящую жизнь.

Я стану Дэниелом Тейтом.

У меня был миллион отговорок. Остаться – это, как ни странно, самый безопасный ход. Сейчас они все, кроме, может быть, Николаса, верят, что я Дэнни. Если я убегу, они все поймут. Деньги и связи Тейтов размазали государственную бюрократическую машину, как масло по бутерброду, чтобы вытащить меня из Канады, и то же самое они могут сделать снова, чтобы разыскать меня и упечь в тюрьму. Много лет я полагался на свое умение разбираться в людях и был уверен, что замечу, если они начнут меня подозревать. Еще успею вовремя смыться, если что. А пока хоть поживу по-царски.

Я умел врать себе ничуть не хуже, чем другим, и поэтому даже сам поверил, что это и есть настоящая причина.

Сон не шел, и я решил еще раз пройтись по дому, пока все спят. Походил по коридорам второго этажа, проверяя, запомнил ли, где какая дверь, а затем спустился вниз. Осмотрел все шкафчики и ящички в кухне, выяснил, где Тейты держат вилки и противни, какие хлопья едят на завтрак. Побывал в парадной гостиной – до сих пор в нее, кажется, никто не заходил. Я как раз рылся в ящиках приставного столика, когда за окнами вспыхнули фары.

Джессика приехала.

Через секунду я подпрыгнул от внезапного шума за окном. Треск, похожий на звук прогибающегося пластика, и вой автомобильного гудка.

Холера! Со всей быстротой, на какую только были способны затекшие ноги, я кинулся к лестнице. Но было поздно. Я услышал, как хлопнула дверь, как загрохотали над головой шаги, и снова попятился в гостиную. Лекс с Патриком вдвоем бежали по лестнице.

– А, чтоб тебя, – выругал кого-то Патрик по пути к входной двери.

– Она должна это прекратить, иначе... – Ответ Лекс потонул в ночи: она уже выбежала из дома вслед за Патриком. Я тихо двинулся за ними и, стоя в тени приоткрытой двери, выглянул наружу. Джессика вылетела на своем внедорожнике на лужайку и врезалась в бетонное основание, на котором стояла огромная декоративная кадка с цветами. Перед машины был смят и дымился.

– Мама? – позвал Патрик.

Джессика на нетвердых ногах вышла из внедорожника.

– Все нормально, – сказала она.

– Какое там нормально! – взорвался Патрик. Она была явно пьяна в хлам.

– Господи, мама, – проговорила Лекс. – Ты же могла погибнуть!

Патрик шагнул к матери и подхватил ее под руку, когда она споткнулась. Она шаталась на высоких каблуках, путавшихся в траве, и пыталась оттолкнуть его от себя.

– Что случилось?

Я обернулся. За спиной у меня стоял Николас. Подкрадываться он умел еще похлеще меня.

– Я... – Я не придумал заранее, что бы соврать. – Я не...

Он выглянул через мое плечо в открытую дверь и вздохнул.

– Супер.

– Не пойду я... – говорила Джессика, когда Патрик повел ее в дом, а Лекс забралась в разбитую машину, чтобы заглушить двигатель. – Не пойду туда.

– Ты бы лучше шел наверх, – сказал мне Николас. Он вышел, чтобы помочь Патрику увести мать. Она уже плакала и что-то бормотала – я не мог разобрать.

Я смотрел на это, застыв, и видел на красивом лице Джессики тени своего собственного прошлого.

И тут я расслышал ее слова.

– Это не мой сын, – проговорила она – невнятно, но ошибиться было невозможно.

* * *

Сердце у меня упало, как якорь на дно моря. Все кончено.

* * *

– Мама! – рявкнул Патрик. – Прекрати!

– Это не мой сын! – сказала Джессика, обращаясь к Лекс.

Не успело последнее слово затихнуть в теплом апрельском воздухе, как раздался звук пощечины – ладонь Патрика отпечаталась на щеке Джессики. Она покачнулась. Он не так уж сильно ее ударил – я видел, – но она рухнула на лужайку как подкошенная. Лекс закричала на Патрика, изо всех сил толкнула его обеими руками в грудь и склонилась над матерью, стонавшей на траве. Николас обернулся и посмотрел прямо на меня.

– Закрой рот! – сказал Патрик, нависая над упавшей матерью. Джессика подняла глаза на него, затем на Николаса. Увидела, что он смотрит на меня, что я стою в дверях. Патрик с Лекс тоже повернулись ко мне. На несколько секунд все замерло и стихло: я во все глаза глядел на Джессику, а все смотрели на меня.

Джессика опустила взгляд и вцепилась ногтями в траву, пытаясь подняться.

– Ты не мой сын, – повторила она и подняла голову, но теперь смотрела не на меня. Она смотрела на Патрика. Лекс схватила ее за руку и хотела помочь подняться, но Джессика оттолкнула ее.

– Ты не моя дочь. Вы все не мои дети! Родные дети так со своей матерью не обращаются!

По моему телу прошла мучительная дрожь облегчения.

– Вы все не мои дети! – всхлипывала Джессика.

Патрик смотрел, как она пытается встать. Его тень падала на лицо Джессики, и я не видел его выражения.

– Никогда больше так не говори, – сказал он. Затем развернулся и пошел в дом, задев меня плечом, когда проходил мимо, и я остался стоять, будто застыл на месте.

– Ники, – проговорила Лекс, когда он ушел, и жестом подозвала Николаса к себе. Вдвоем им удалось подхватить Джессику и помочь ей встать.

– Все в порядке, Дэнни, – бодро проговорила Лекс с таким видом, будто сама в это свято верила. – Иди спать.

Я вернулся в свою комнату, закрыл дверь и загородил кондиционер стопкой книг, чтобы попытаться хоть немного согреться.

* * *

Лежа в постели, я слышал, как Лекс с Николасом отвели Джессику наверх, и где-то над головой зажурчала вода. Где-то через час я уже начал наконец засыпать, и тут в дверь легонько постучали. Так тихо, что я подумал, не показалось ли, но тут дверь чуть-чуть приотворилась, и я смутно разглядел, как блестят шелково-пшеничные волосы Лекс в свете ночника Миа.

– Спишь? – прошептала она.

– Нет.

– Можно войти?

Я кивнул, и она вошла, закрыла за собой дверь, и мы оказались вдвоем в полной темноте. Она присела на край кровати, а я приподнялся и оперся спиной на подушки.

– Мне жаль, что ты это видел, – тихо сказала она.

– Ничего страшного, – ответил я.

– Да нет, страшно. – Она положила мне руку на колено, правда, я этого почти не почувствовал сквозь толстое одеяло. – Надеюсь, она тебя не напугала. Она это не всерьез. Она всегда так говорит, когда напьется: вы не мои дети, это не мой дом, это не моя жизнь. Она... иногда она очень несчастная.

Я вспомнил свою мать – свою настоящую мать – и кивнул.

– Видимо, все это слегка выбило ее из колеи, – продолжала Лекс, с похвальной сдержанностью подобрав наиболее мягкое выражение. – Но это пройдет. Мы об этом позаботимся. Тебе не о чем волноваться.

Я постарался поярче припомнить, как страшно бывало в детстве, когда мать пропадала на несколько дней. Постарался, чтобы все эти давно уже затянувшиеся коркой переживания отразились на лице, и кивнул.

– А Патрик... – Лекс неловко поерзала на кровати. – Он не... В общем, я не хочу, чтобы ты думал, что он какой-то... агрессивный. Он никогда не обидит никого из

нас, и ты его не бойся. Хорошо?

Я нахмурился: до сих пор мне и в голову не приходило бояться Патрика, если, конечно, он не узнает, кто я на самом деле. Тут уж в любом случае хорошего не жди.

– Я все понимаю, – сказал я. – Он просто хотел меня защитить.

– Да! – Лекс ухватила за мои слова, как неопытный пловец за спасательный круг. – Да, вот именно. Он не плохой человек.

– Нет, конечно, – смущенно проговорил я.

– Вот и хорошо. – Лекс улыбнулась и протянула руку к моему лицу. Но в последний момент остановилась. То ли я что-то сделал не так, то ли она просто передумала, но она лишь провела ладонью возле моей щеки. Меня коснулись только молекулы воздуха, вобравшие тепло ее кожи.

Лекс убрала руку, встала, посмотрела на меня.

– Спокойной ночи, Дэнни, – сказала она и вышла.

* * *

Когда Лекс ушла, я встал с постели и подошел к письменному столу у окна, где оставил свой ноутбук. Я чувствовал, что все равно не засну, а время было вполне подходящее для того, чем я собирался заняться уже несколько дней.

Я открыл браузер и ввел в поисковик имя Дэниела Тейта.

Первая ссылка вела на сайт Центра помощи пропавшим и пострадавшим детям, из которого я и узнал о Дэниеле. Вторая – на новостную заметку, опубликованную через два дня после его исчезновения, которую я распечатал в ту же ночь и прочитал, прокравшись обратно в постель. Ничего нового.

Третья ссылка вела на заметку «Associated Press» о моем возвращении, с фотографиями из аэропорта, на которых, к счастью, меня было почти не видно: только бейсболка и уголок челюсти. «Дэниел Тейт, пропавший ребенок, герой недавней статьи в «LA Magazine», вновь пробудившей интерес публики к этому делу, встретился со своей семьей...»

Я задал новый поиск:

«Дэниел Тейт LA Magazine».

Статья нашлась. «Две тысячи дней спустя: исчезновение Дэниела Тейта» – детальное изложение подробностей дела ровно через шесть лет после того, как Дэниела видели в последний раз. Опубликована чуть больше трех недель назад.

Дверь комнаты приоткрылась, и я захлопнул крышку ноутбука.

– Дэнни? – Миа просунула голову в комнату.

– Привет, – шепнул я. – Все в порядке?

– Пить хочу.

– А у тебя разве стаканчика в ванной нет?

– Там вода невкусная, – ответила она. – Магда всегда мне оставляла стакан воды из кухни, а Лекс забыла. Сходишь со мной вниз? А то там темно.

Я от души пожалел, что забыл запереть дверь. Но тут вспомнил, как сам в детстве боялся темноты, не зная, какие опасности могут там подстергать, и насколько было бы легче, если бы кто-то держал меня за руку. Я вдруг увидел перед собой вместо Миа мальчика со щербинкой во рту, в детской бейсбольной форме, и улыбнулся ему.

– Ну конечно, – сказал я. – Идем.

* * *

Следующий день, а за ним еще один, и еще, прошли однообразно. Завтрак, душ, новая дорогая одежда, которая была слишком хороша, чтобы торчать в ней весь день дома. Все расходились по школам, а я оставался с Лекс, целыми днями не отходившей от меня ни на шаг. Я ждал, когда придет время допроса в полиции, и каждое утро, спускаясь к завтраку, мысленно готовился к нему, но, видно, Патрик и правда сказал или сделал что-то убедительное, чтобы меня оставили в покое. В результате делать мне было абсолютно нечего, оставалось только убивать время с Лекс. Мы часами смотрели вместе телевизор, сидя на диване в непарадной гостиной. Лекс вводила меня в курс дела по ходу просмотра любимых сериалов: Харрисон тайно влюблен в Саванну, Люсинда изменяет Джеку с Матео, а тормоза в машине Сабины испортил не кто иной как Кларк, – и я начал понимать, почему она до сих пор не доучилась в колледже. Правда, я не мог ее всерьез винить. Сериалы вызвали странную зависимость, и я даже полюбил смотреть их вместе с ней, передавая друг другу миску с попкорном, который Лекс щедро поливала растопленным маслом.

Я прочитал статью в «LA Magazine» об исчезновении Дэнни. Она была похожа на плохой бульварный роман: история бессмысленной трагедии, от которой пошли трещины по идиллически-гламурному фасаду Хидден-Хиллз. Во всех подробностях описывалось, в каких туфлях Джессика была на пресс-конференции, а вот фактов было маловато. Однако, судя по сотням комментариев под статьей, публику она зацепила. Неудивительно, что папарацци слетелись в аэропорт.

Дважды я поговорил по телефону с Робертом Тейтом, звонившим из тюрьмы общего режима на севере штата, где ему предстояло провести еще полтора года. В первый раз он почти все время проплакал. Во второй мы уже поговорили по-человечески, и он проглотил мою историю так же легко, как и все прочие. Я пообещал, что скоро приеду к нему на свидание.

Джессику я почти не видел. Она очень редко выходила из комнаты, и то только затем, чтобы тут же сесть в арендованную машину и уехать. Куда она ездит, я понятия не имел, да и никто другой, кажется, тоже. Что еще более странно – никого это, кажется, не интересовало.

Однажды утром, когда все разъехались, Лекс спустилась в подвал и принесла альбомы с семейными фотографиями и несколько дисков с домашними видео.

– Не хочу на тебя давить, – сказала она, – но вот подумала – может, это поможет тебе кое-что вспомнить. Хочешь посмотреть?

Я кивнул. Симуляцией амнезии можно усыпить подозрения только на время. Пора начинать изучать такие вещи, если я хочу заставить всех поверить, что я Дэниел Тейт.

Лекс переворачивала страницы, называла всех по именам и рассказывала, что за события происходят на фотографиях. Иногда поднимала глаза на меня и спрашивала: «Ну как, что-то вспоминается?» Я отвечал уклончиво, и она не настаивала. Этого мне и надо было. Чем больше имен кузин и кузенов я заучу наизусть, чем больше вечеринок в честь дней рождений просмотрю на DVD с подписанными наклейками, тем легче пойдет превращение в Дэниела Тейта. На обед Лекс сделала мне хрустящий сэндвич с арахисовым маслом и повидлом, и я с довольным видом его уплел, хотя к арахисовому маслу был равнодушен. Дэнни его любил, а значит, теперь и я буду. Чтобы хорошо врать, нужно самому в какой-то мере поверить в свою ложь. С каждым новым кусочком его прошлого, с каждым днем, прожитым в его доме, в его семье, я все больше чувствовал, как Дэнни прорастает во мне. Он был паразитом, а я – всего лишь питательной средой. В конце концов он пожрет меня, и от меня останется только кожа, в которой будет жить он.

Это было то, чего я всегда хотел. Похоронить наконец никому не нужного мальчишку из Саскачевана и стать кем-нибудь другим. Кем-нибудь получше.

Но это был длительный процесс, а дни в этом доме тянулись медленно. Я не привык к тому, чтобы кто-то следил за каждым моим шагом, не привык взвешивать каждое слово и все время помнить об осторожности. Когда я жил в приютах, там достаточно было держать язык за зубами, и никто на тебя не обратит внимания. А тут – совсем другое дело. Лекс весь день не отходила от меня, Миа тут же прилипала ко мне, придя из школы, а при Николасе я все время боялся совершить хоть малейший промах: он держался со мной отчужденно, а то и откровенно подозрительно.

– Адам Шерман прислал мне сообщение в фейсбуке, спрашивает про тебя, – сказал он однажды за обедом. – Могу дать тебе его имейл, если хочешь.

Я моргнул.

– Может, Эндрю? – Эндрю Шерман, как я узнал от Патрика и Лекс, был лучшим другом Дэнни. Он уехал отсюда несколько лет назад.

– Ах да, точно, – рассеянно пробормотал Николас. – Так дать тебе его имейл?

Может быть, он просто оговорился, но это вряд ли. Во всяком случае, если это была проверка, то я ее прошел.

Наедине с собой я оставался только в постели, и ложился все раньше, чтобы хоть ненадолго скрыться от всех глаз. Это было совсем не по мне. Я привык быть невидимкой, хотя только сейчас по-настоящему понял, какую свободу это дает.

На двенадцатый день в доме Тейтов я наконец сорвался. Лекс все утро ходила за мной из комнаты в комнату, не отпуская от себя больше чем на пять шагов, и каждые десять минут спрашивала, не принести ли мне чего-нибудь. Николас тут же поднимал на меня глаза от своего компьютера, стоило мне только шевельнуться или вздохнуть. Последней каплей стала Миа. Обычно я довольно легко мирился с ее присутствием: она-то меня хотя бы совершенно точно не подозревала. Но у нее вошло в привычку тут же подсаживаться ко мне, куда бы я ни сел, и обхватывать меня липкими горячими ладошками, как будто она хотела сквозь кожу вобрать в себя все те минуты, которые раньше не могла провести с Дэнни. От этого я начинал задыхаться. Стены словно надвигались на меня со всех сторон, большие светлые комнаты делались все меньше и темнее, и я оказывался заперт в маленькой комнатушке, в кладовке, в гробу.

Я высвободился из ее сплетенных рук и встал – хотел пойти в туалет и перевести дух. Но ноги сами собой понесли меня дальше, за дверь, по подъездной дорожке и, наконец, на улицу. Я шагал и шагал в каком-то исступлении, пот струился по лбу и щипал глаза. Мускулы так и стонали от подъемов с холма на холм, но хоть дышать стало можно. Стены, что давили на меня, рухнули. Никто на меня не смотрел. Никто ничего от меня не ждал.

Охранник у ворот спросил, не я ли буду Дэниел Тейт. Сказал, что моя сестра звонила и просила проследить за мной. Я сказал «нет» и пошел дальше.

Я довольно быстро заметил, что в Калифорнии пешком не ходят. Мне хотелось исчезнуть, но куда там – все так и таращились на меня из машин.

«Почему он идет пешком?»

«Что с ним такое?»

«Не может быть, как это так – человек идет пешком? В ЖИЗНИ ТАКОГО НЕ ВИДЕЛ!»

Нужно было убраться куда-нибудь с улицы.

Я перешел оживленную дорогу и оказался в каком-то молле на открытом воздухе. В дальнем конце заметил кинотеатр. Отлично. Вот где можно посидеть пару часов в темноте, и никто на тебя смотреть не будет. Один взмах моей новенькой волшебной пластиковой карты – и я купил билет на ближайший сеанс, в надежде, что на экране будет что-нибудь тупое и шумное, чтобы хоть ненадолго заглушить голоса в голове.

Я встал в очередь за кока-колой и тут увидел ее. Сначала это была только вуаль черных волос через два человека от меня, но тут она обернулась, я увидел ее в профиль и узнал – та самая девушка из «Старбакса».

Не знаю, почему я вдруг почувствовал себя таким беззащитным. Как будто она могла тоже узнать меня и испортить мне все дело, хотя это смешно. Нормальные люди не узнают тех, кого видели пять секунд в кафе две недели назад, да если и узнает, что такого? Не было никакой причины нервничать из-за нее.

Я видел, как она заказала попкорн, содовую и коробку карамели. Держать все это разом в руках было неудобно. Она взяла стаканчик в одну руку, попкорн в другую, а карамель прижала к себе согнутым локтем. Я поначалу записал ее в тихони-одиночки, раз уж она ходит в кафе и в кино сама по себе, но тут она что-то сказала кассиру, он захохотал во все горло, и мне пришлось скорректировать свои выводы – редкий случай.

Она вышла из очереди и подошла туда, где лежали соломинки, салфетки и масло для попкорна, а я все смотрел на нее, стараясь вычислить, кто она такая, пока кассир нес мою колу. Когда я ее получил, девушка уже закончила свои дела, подошла к билетерше, прямо передо мной, и стала доставать билет из кармана, а руки у нее были заняты. Я так засмотрелся на ее борьбу с билетом, что не заметил дырку в ковровом покрытии прямо перед собой. Запнулся и

врезался ей в спину. Попкорн рассыпался, коробка с карамелью упала на пол, отскочила и улетела под билетершин стул.

– Ой, извини, – сказал я. Побыл невидимкой, называется. Народу в фойе было не так уж много, но все так и уставились прямо на нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/terrill_kristin/zdes-pokoitsya-deniel-teyt

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)